

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Бажанов М., прот.

**СВ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ
И ЕГО ПАСТЫРСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В АНТИОХИИ**

Православный собеседник, 1907, II, с. 597-670

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ

И ЕГО ПАСТЫРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ АНТІОХІИ.

Дѣятельность св. Іоанна Златоуста, какъ пастыря, замѣчательна по своему характеру, *отличному отъ характера дѣятельности другихъ пастырей той эпохи, въ которую онъ жилъ*. Извѣстно, что четвертый вѣкъ христіанства, ко второй половинѣ котораго относится большая часть жизни и дѣятельности св. Іоанна Златоуста, былъ временемъ великихъ богословскихъ споровъ, временемъ, когда не только всякій богословски образованный чело-вѣкъ, но и люди совершенно чуждые какъ богословскаго, такъ даже и свѣтскаго образованія, считали любимымъ для себя дѣломъ упражняться въ рѣшеніи спорныхъ догматическихъ вопросовъ. Что-же касается людей, самымъ положеніемъ своимъ въ церкви призванныхъ къ защитѣ и разъясненію христіанскаго вѣроученія, то есть пастырей церкви, то вниманіе ихъ, какъ извѣстно, почти всецѣло поглощалось спорными догматическими истинами, такъ какъ главную цѣль своей дѣятельности они поставляли въ рѣшеніи однихъ догматическихъ вопросовъ своего времени.

Но св. Іоаннъ Златоустъ избралъ для себя дѣятельность совершенно другого характера, именно проповѣдь нравственнаго ученія. Проповѣдь нравственнаго ученія въ то время была столь же необходима, какъ и проповѣдь догматическаго ученія, потому что тогдашній христіанскій

міръ, какъ мы в послѣдствіи увидимъ на примѣрѣ антиохійскаго общества, оставлялъ *въ полнѣйшемъ небреженіи нравственныя начала и правила христіанской религіи* и погрязалъ въ нравственной распущенности. Внутренняя бытовая жизнь христіанъ четвертаго вѣка походила на жизнь язычниковъ, такъ что, по отзыву Златоуста, „въ христіанскомъ обществѣ трудно было найти истинныхъ христіанъ“. Нравы, обычаи и моральныя понятія христіанъ—все это нуждалось въ самой коренной реформѣ.

Но до Златоуста никто изъ пастырей не предался всецѣло этой дѣятельности. Правда, св. Василиій Великій и особенно Григорій Богословъ въ проповѣдяхъ своихъ нерѣдко обращали вниманіе христіанъ на несоотвѣтствіе ихъ жизни требованіямъ христіанской религіи, но, придавая главное значеніе проповѣди догматическаго ученія христіанства и склонные къ отвлеченному умозрѣнію, они не могли съ успѣхомъ бороться съ нравственными недостатками общества.

Вліятельнымъ проповѣдникомъ нравственнаго ученія могъ быть только такой человѣкъ, какъ Златоустъ, интересовавшійся болѣе всего жизнію современныхъ христіанъ, ихъ внутреннимъ бытомъ и взаимными отношеніями. У Златоуста, какъ пастыря, по его собственному признанію, была „одна забота—о нравственномъ преуспѣяніи пасомыхъ“. Всю жизнь и дѣятельность свою онъ посвятилъ на служеніе нравственному улучшенію паствы и преимущественно предъ всѣми пастырями церкви долженъ быть названъ проповѣдникомъ христіанскаго нравоученія. Единственная задача, которую Златоустъ поставилъ для своего пастырскаго служенія, состояла въ нравственномъ перевоспитаніи и преобразованіи современнаго христіанскаго общества. Онъ поставилъ себѣ цѣлью измѣнить прежній, не сообразный съ духомъ христіанства, образъ жизни пасомыхъ и построить ихъ жизнь на новыхъ началахъ евангельскаго нравоученія. Златоустъ никогда не отступалъ отъ этой цѣли и не хотѣлъ для себя никакой другой дѣятельности, кромѣ дѣятельности проповѣдника нравственнаго ученія.

Почему св. Іоаннъ Златоустъ не послѣдовалъ общему примѣру современныхъ пастырей *изучавшихъ догматическое ученіе*, а избралъ для себя практическую дѣятельность, это мы увидимъ при изложеніи его біографіи.

Св. Іоаннъ Златоустъ родился въ 347-мъ году по Р. Х. Природа наградила его самыми блестящими умственными дарованіями, и именно такими, какія болѣе всего требуются для практической дѣятельности и особенно для дѣятельности проповѣдника нравственнаго ученія. Глубокая проникающая, необыкновенно-быстрая находчивость, постоянная наблюдательность надъ всѣмъ окружающимъ, счастливая память и всѣ другія свойства, необходимыя для проповѣдника нравственнаго ученія, были свойствами природнаго ума Златоуста. Въ то-же время Златоустъ отъ природы отличался завидной способностью къ краснорѣчивому изложенію своихъ мыслей. Даръ слова былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ его достоинствъ. Но, обладая этимъ даромъ, Златоустъ, однако, отъ природы не былъ склоненъ къ проповѣди догматическаго ученія. Послѣднее, какъ необходимаго условія, всегда требуетъ для себя способности къ отвлеченному мышленію, а Златоустъ награжденъ былъ умомъ, способнымъ лишь къ конкретному мышленію. Самоуглубляться и жить только внутри себя и для себя онъ не могъ, такъ какъ натура его склонна была къ чисто внѣшней жизни и дѣятельности среди другихъ и для другихъ. Отсюда и происходила въ Златоустѣ та неудержимая потребность служить для пользы общества и въ самомъ обществѣ, какою всегда онъ отличался; отсюда его полное забвеніе о себѣ и своихъ интересахъ, такъ прекрасно выраженное имъ въ слѣдующихъ словахъ къ своей паствѣ: „для меня нѣтъ другой жизни, кромѣ васъ и заботы о вашемъ спасеніи“. Наконецъ отсюда-же та общительность и склонность къ дружбѣ, вслѣдствіе которой у Златоуста ни въ юности, ни въ зрѣломъ особенно возрастѣ, никогда не было недостатка въ искреннихъ друзьяхъ.

Всѣ свойства природнаго ума и характера Златоуста развились потомъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Обстановка, среди которой онъ выросъ, воспитаніе, какое ему давалось, общество, въ которомъ онъ жилъ,—все могло развить въ немъ самымъ совершеннѣйшимъ образомъ естественныя его способности и задатки именно въ томъ направленіи, какое свойственно было самой его природѣ, т. е., въ направленіи практическомъ.

Родиной Златоуста, какъ и мѣстомъ пастырской его дѣятельности въ званіи пресвитера, была Антиохія, столичный городъ Сиріи, городъ, въ которомъ жители, какъ по происхожденію, такъ и по богатству, сначала раздѣлялись только на два класса. Одинъ изъ этихъ классовъ состоялъ изъ пришлыхъ Македонскихъ грековъ, образовавшихъ изъ себя, по праву побѣдителей и основателей города, аристократію, воспользовавшуюся всѣми мѣстными богатствами, а другой изъ побѣжденныхъ туземныхъ сирійцевъ, составлявшихъ собой бѣдное рабочее населеніе города. Оба эти класса до самыхъ дней Златоуста сохраняли самую рѣзкую противоположность и каждый изъ нихъ и въ четвертомъ вѣкѣ, какъ и прежде, отличался отъ другого главнымъ образомъ по происхожденію: люди привеллигированные и богатые. были по большей части природные греки, а бѣдняками были сирійцы, изъ которыхъ многіе и при Златоустѣ объяснялись между собою все еще на своемъ родномъ нарѣчій, хотя въ то же время всѣ отлично знали и греческій языкъ. Отличительными качествами этихъ послѣднихъ всегда были: добродушіе, довѣрчивость, полная безотвѣтность и любовь къ труду, хотя бы даже къ самому непочетному и безвыгодному. Между тѣмъ македонскіе пришлецы, не смотря на свой живой и подвижной характеръ, вовсе не были склонны къ дѣятельности и отличались крайнимъ легкомысліемъ. Это былъ народъ, которому вполне по сердцу пришлась азиатская роскошь и изнѣженность и который, безъ всякой мѣры, воспользовался безотвѣтностью и любовію къ дѣятельности мѣстныхъ сирійцевъ и сталъ жить на счетъ ихъ труда, предаваясь постоянно какому-то беззавѣтному веселью и всевозможнымъ удовольствіямъ. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ основанія города, именно при второмъ

преемникъ Антиоха Епифана, переселеніемъ въ Антиохію палестинскихъ іудеевъ положено было начало образованію здѣсь третьяго, промышленнаго и торговаго, класса жителей. Мало-по-малу классъ этотъ все болѣе и болѣе увеличивался людьми пришлыми и заѣзжими изъ разныхъ странъ и концовъ міра, такъ называемыми предпринимателями, хотѣвшими обогатиться на счетъ роскоши богатыхъ и изнѣженныхъ жителей города. Сдѣлавшись скоро восточной столицей, Антиохія вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась мѣстомъ еще большаго прилива новыхъ элементовъ населенія. Сюда, кромѣ людей промышленныхъ и торговыхъ, какъ для временнаго пребыванія, такъ и для постояннаго жительства, изъ разныхъ мѣстъ стекались люди всевозможныхъ общественныхъ положеній и по всевозможнымъ побужденіямъ. Однихъ привлекала въ Антиохію жажда удовольствій, которая въ столицѣ могла быть удовлетворена несравненно болѣе, чѣмъ въ провинціи; другіе стремились сюда для занятія науками и искусствами, всегда процвѣтавшими здѣсь; третьи для занятія ремеслами или службой и такъ далѣе. Вслѣдствіе всего этого въ Антиохіи всегда можно было встрѣтить людей всевозможныхъ мѣстностей, всевозможныхъ званій, состояній, родовъ дѣятельности, характеровъ и тому подобное. Вслѣдствіе того-же, городъ постоянно исполненъ былъ какъ празднаго шума, такъ и кипучей дѣятельности. — Родиться и вырасти въ такомъ городѣ для Златоуста, какъ будущаго проповѣдника христіанскаго нравоученія, было чрезвычайно важно. Ему не для чего было объѣзжать свѣтъ, чтобы во всей полнотѣ изучить людей и современную жизнь: въ родномъ его городѣ, какъ въ фокусѣ, собрана была и, такъ сказать, била ключемъ вся современная дѣятельность со всѣми ея проявленіями. Само собою разумѣется, что, при подобныхъ условіяхъ, даже и не такой внимательный и любознательный человѣкъ, какъ Златоустъ, наталкиваясь во всякое время и на каждомъ шагу на людей разнообразныхъ званій, положеній, взглядовъ и характеровъ и на всевозможныя жизненныя проявленія,—могъ хорошо познакомиться съ современной

дѣйствительностію. Златоустъ-же, при своемъ живомъ, наблюдательномъ и проницательномъ умѣ, способномъ чрезвычайно быстро подмѣчать въ явленіяхъ даже самыя мелкія и неуловимыя подробности, какъ нельзя болѣе могъ изучить современную жизнь и современныхъ людей, со всѣми ихъ интересами, нуждами, пороками, взаимными отношеніями и вообще со всѣмъ тѣмъ, что нужно было ему знать, какъ проповѣднику нравственнаго ученія, и подъ вліяніемъ чего только онъ и могъ прійти къ самой мысли о значеніи этой дѣятельности.

По происхожденію своему Златоустъ принадлежалъ къ высшему классу антиохійскаго общества. Отецъ его, по имени Секундъ, былъ главнымъ помощникомъ начальника сирійскихъ войскъ. Но, онъ умеръ спустя всего два года послѣ рожденія сына. Поэтому первоначальное воспитаніе будущему великому проповѣднику христіанской нравственности пришлось получить подъ руководствомъ одной лишь матери—Анеусы. Первыя 20 лѣтъ Златоустъ неотлучно находился при ней и обязанъ былъ ея вліянію развитіемъ всѣхъ лучшихъ нравственныхъ своихъ качествъ. Оставаясь во все продолженіе этого времени некрещенымъ, онъ, не смотря на то, благодаря своей матери,—строгой христіанкѣ, былъ на самомъ дѣлѣ ревностнымъ христіаниномъ, какъ по своимъ убѣжденіямъ, такъ и по строгой нравственной жизни. Анеуса съ малыхъ лѣтъ пріохотила сына къ чтенію Св. Писанія, и это послѣднее было въ ея рукахъ главнымъ воспитательнымъ средствомъ, оплотомъ противъ всѣхъ соблазновъ, какіе предстояли въ будущемъ для Златоуста, какъ богатаго наслѣдника и гениальнаго человѣка, и ручательствомъ за лучшую его будущность. Кромѣ того, Анеуса, была первой и даже пожалуй главной личностію, развившей въ Златоустѣ его практическое направленіе. Не смотря на свой кроткій нравъ, она была женщина въ высшей степени практическая, такая женщина, которая, оставшись послѣ мужа въ молодыхъ лѣтахъ, могла одна своими силами управляться со всѣми дѣлами богатаго дома и имѣнія, оставленнаго Секундомъ, съ дѣлами, требовавшими

много хлопотъ, ума и энергіи. Это была женщина, по собственному ея признанію, съумѣвшая не только быть дѣйствительной госпожей въ огромномъ домѣ, среди множества своевольныхъ слугъ, но и восторжествовать какъ надъ корыстолюбивыми умыслами родственниковъ покойнаго мужа, хотѣвшими поживиться на счетъ оставленнаго Секундомъ имущества, такъ и надъ различными нападками и притѣсненіями со стороны гражданскихъ властей. Понятно, что подъ руководствомъ такой мудрой, опытной и тактичной матери, изъ Златоуста, при практическихъ задаткахъ его собственной природы, могъ образоваться не иначе, какъ практическій дѣятель. Какъ увидимъ мы ниже, Анеуса дѣйствительно и готовила своего сына къ полезной практической дѣятельности въ обществѣ.

Съ двадцатилѣтняго возраста началось обученіе Златоуста свѣтскимъ наукамъ. Только съ этого періода на него стали вліять другія, кромѣ Анеусы, личности, хотя и теперь вліяніе матери всетаки оставалось преобладающимъ. Въ то время, по распоряженію императора Юліана, всѣ христіанскія училища были закрыты, а потому христіанамъ приходилось отдавать своихъ дѣтей для свѣтскаго образованія въ школы, находившіяся въ рукахъ языческихъ учителей. Предусмотрительные христіанскіе родители, опасаясь, чтобы дѣти ихъ, подъ вліяніемъ языческихъ учителей, не сдѣлались сами язычниками, не рѣшались отдавать ихъ въ языческія школы ранѣе двадцатилѣтняго возраста. Вслѣдствіе такого-же опасенія, вѣроятно, и Анеуса держала при себѣ сына до обычнаго зрѣлаго возраста, и только тогда, когда онъ сознательно усвоилъ себѣ начала христіанской религіи, рѣшилась отдать его въ руки языческихъ учителей. Лучшей изъ языческихъ школъ была тогда въ Антиохіи школа Ливанія; въ неѣ Златоустъ и поступилъ. Главнымъ руководителемъ и наставникомъ въ этой школѣ былъ самъ Ливаній—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ язычниковъ того времени. Онъ, какъ извѣстно, находился въ близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ къ императору Юліану и вмѣстѣ съ нимъ мечталъ о возстановленіи язычества. Самая школа

была основана имъ болѣе всего, кажется, въ тѣхъ видахъ, чтобы образовать въ языческомъ духѣ молодое поколѣніе. Впрочемъ, будучи однимъ изъ честнѣйшихъ и правдивѣйшихъ людей между язычниками, онъ не хотѣлъ намѣренно скрывать предъ своими слушателями недостатковъ языческой религіи, и если ревностно защищалъ предъ ними язычество, то вовсе не потому, чтобы слѣпо раздѣлялъ всѣ заблужденія язычниковъ. Онъ былъ жаркимъ почитателемъ язычества не столько ради его религіозно-нравственныхъ воззрѣній, сколько ради того великаго прошлаго, какое было съ нимъ связано, и особенно ради наукъ и искусствъ, выросшихъ на его почвѣ и развившихся подъ его покровительствомъ. Съ этой именно стороны Ливаній и усиливался въ своихъ краснорѣчивыхъ урокахъ представить слушателямъ язычество въ привлекательномъ видѣ, но успѣхъ, какъ извѣстно, имѣлъ не особенно большой. Не смотря на то, до самой своей смерти онъ не переставалъ съ жаромъ дѣйствовать въ этомъ направленіи. Онъ всегда внимательно изучалъ своихъ учениковъ, чтобы подыскать между ними хорошихъ помощниковъ своему дѣлу, и не пропускалъ ни одной даровитой личности безъ того, чтобы не позаботиться особеннымъ образомъ приготовить ее къ задуманному имъ возстановленію язычества. Изъ всѣхъ такихъ личностей, между учениками, Златоустъ особенно остановилъ на себѣ вниманіе Ливанія. Послѣдній видѣлъ въ новомъ своемъ питомцѣ не только хорошаго помощника себѣ, но и достойнѣйшаго преемника. Подмѣтивъ въ Златоустѣ необыкновенный даръ слова, Ливаній все свое риторское умѣнье приложилъ къ тому, чтобы развить этотъ даръ до самой высшей степени, и дѣйствительно, какъ нельзя болѣе, успѣлъ въ этомъ, потому что и Златоустъ съ своей стороны, видя въ Ливаніи опытнаго наставника, съ полнымъ вниманіемъ пользовался его уроками по части краснорѣчія. Изъ подъ руководства Ливанія онъ вышелъ такимъ ораторомъ, что могъ быть, по отзыву своего учителя, предметомъ гордости того времени. Извѣстны слова Ливанія, сказанныя по поводу одной рѣчи Златоуста, сочиненной въ похвалу

императора Валентиніана I-го: „Счастливъ писатель, умѣющій такъ прославлять императоровъ!—Но также счастливы и императоры, что царствуютъ въ такое время, когда міръ владѣеть такимъ удивительнымъ писателемъ!“. Но образовавъ въ Златоустѣ удивительную способность краснорѣчія, Ливаній не успѣлъ въ главномъ своемъ стремленіи—сдѣлать его преемникомъ въ своемъ училищѣ и внушить ему свои языческія убѣжденія. Златоустъ попрежнему остался христіаниномъ въ своей душѣ. Вліяніе матери оказалось, такимъ образомъ, сильнѣе вліянія учителя. Ливаній самъ призналъ себя побѣжденномъ ею, когда сказалъ, что у него „похитили Златоуста христіане“: первый починъ въ этомъ похищеніи, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Анеусѣ, или, лучше сказать, она не похитила Златоуста, а только не выпустила его изъ своихъ рукъ и не дала похитить его самому Ливанію. Не даромъ послѣдній называлъ Анеусу „удивительной женщиной“. Она дѣйствительно была женщиной необыкновенной, не только по своей цѣломудренной жизни, которой особенно удивлялся Ливаній, но и по тому такту, съ какимъ воспитывала сына, равно какъ и по своему вліянію на него. Если бы Анеуса не была увѣрена въ такомъ своемъ вліяніи на сына, то, вѣроятно, и не позволила бы ему поступить въ училище Ливанія, какъ такого человѣка, стремленія котораго и ей, и всѣмъ вообще современникамъ, хорошо были извѣстны. Значеніе Ливанія для Златоуста и его будущей проповѣднической дѣятельности слишкомъ понятно, чтобы о немъ много говорить: Ливаній усовершенствовалъ до высшей степени самое орудіе, посредствомъ котораго Златоусту предстояло совершать нравственное преобразование общества.

Изъ другихъ свѣтскихъ учителей Златоуста біографы упоминаютъ только о философѣ Андрагаѳіи, но не сообщаютъ ни свѣдѣній о личности этого философа, ни того, былъ ли этотъ Андрагаѳій преподавателемъ философіи въ школѣ Ливанія, или имѣлъ свою собственную школу. Ничего также первоначальные біографы не говорятъ и о вліяніи этого учителя на Златоуста. Только нѣкоторые

изъ позднѣйшихъ описателей жизни Златоуста приписываютъ Андрагаѳію развитіе въ Златоустѣ „способности къ ясному представленію и пониманію вещей, къ строгости въ сужденіяхъ, отчетливому изложенію мыслей“ и т. под., но, кажется, развитіе всѣхъ этихъ качествъ въ Златоустѣ лучше всего приписать Ливанію, какъ учителю краснорѣчія. Самъ Ливаній, какъ извѣстно, отличался всѣми указанными достоинствами и, конечно, не преминулъ развить ихъ и въ Златоустѣ, когда хотѣлъ сдѣлать его преемникомъ себѣ по преподаванію риторики. Изъ уроковъ-же Андрагаѳіа, какъ человѣка, не сумѣвшего поселить въ своемъ ученикѣ никакого уваженія къ философіи и лучшимъ ея представителямъ, Златоустъ едва-ли могъ вынести что нибудь, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ свѣдѣній по философіи. Онъ, вѣроятно, и хотѣлъ слушать Андрагаѳіа не столько за тѣмъ, чтобы основательно изучить философію, сколько ради того, чтобы не остаться въ совершенномъ невѣдѣніи такого предмета, который былъ тогда во всеобщемъ уваженіи у образованныхъ людей. Или-же, если Андрагаѳій былъ преподавателемъ въ школѣ Ливанія, то Златоусту приходилось слушать философію только по тому, что того требовала общая программа школы, но въ такомъ случаѣ о вліяніи Андрагаѳіа на Златоуста не можетъ быть и рѣчи, какъ нѣтъ этой рѣчи и у первоначальныхъ биографовъ Златоуста.

По окончаніи свѣтскаго образованія, Златоустъ поступилъ на гражданскую службу, въ качествѣ адвоката. Занятіе этой должности имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія для будущей проповѣднической дѣятельности Златоуста. Эта должность ставила его лицомъ къ лицу съ современной жизнью и неизбежно знакомила его со всѣми стремленіями, нуждами, пороками и неправдами общества и даже съ нуждами и неправдами именно извѣстныхъ лицъ въ городѣ. Кромѣ того, она приучила его быть защитникомъ угнетенныхъ и бѣдныхъ противъ несправедливыхъ притѣсненій сильныхъ и богатыхъ и служила самымъ лучшимъ упражненіемъ для его краснорѣчія. Но въ то же время эта должность едва не повредила нрав-

ственности Златоуста. Новыя знакомства и связи съ представителями высшаго круга, знакомства, необходимо являвшіяся при занятіи должности адвоката, приучили его къ разсѣянной свѣтской жизни. Онъ сталъ посѣщать театръ и другія увеселительныя мѣста и почти совсѣмъ оставилъ чтеніе Св. Писанія. Правда, впоследствии и это все пригодилось Златоусту тѣмъ, что дало ему возможность на собственномъ опытѣ узнать всю трудность для человѣка устоять противъ мірскихъ соблазновъ, и лично познакомило его съ тѣми мѣстами, гдѣ крылись самыя источники нравственной порчи общества. Тѣмъ не менѣе, нравственности Златоуста въ то время всетаки грозила серьезная опасность, которая миновала только благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, и при другихъ условіяхъ могла совершенно задержать его на скользкомъ пути. Златоустъ сошелъ съ этого пути только благодаря тому, что у него были искренніе друзья, отличавшіеся строгой нравственностью, настойчивыя убѣжденія и просьбы которыхъ и заставили его одуматься. Замѣчательно, что приписывая друзьямъ Златоуста обращеніе его на путь истинный, біографы ничего не говорятъ о протестѣ Анеусы противъ разсѣянной жизни сына. Анеуса вѣроятно понимала, что съ прекращеніемъ этой жизни должны будутъ порваться связи ея сына съ тѣми лицами высшаго круга, которыя вовлекли Златоуста въ разсѣянность и отъ которыхъ, какъ кажется, зависѣла занимаемая имъ карьера. Должно быть разсѣянная жизнь въ то испорченное время была для людей высшаго круга неизбѣжной необходимостью, такъ что оставить ее значило совсѣмъ выйти изъ аристократической среды, потерять въ ней всякое уваженіе къ себѣ и даже, пожалуй, лишиться занимаемаго по службѣ положенія. Все это, какъ извѣстно, и случилось съ Златоустомъ. Бросивъ разсѣянную жизнь, онъ долженъ былъ совсѣмъ оставить должность адвоката. Для Анеусы это послѣднее обстоятельство, конечно, всего менѣе могло быть желательнымъ. Вслѣдствіе этого она, хотя была благочестивая христіанка и заботливая мать, вѣроятно, и не протестовала противъ разсѣянной жизни Злато-

уста, мирясь съ неизбѣжнымъ зломъ ради той пользы, какую ея сынъ сталъ приносить обществу, и ради того утѣшенія, какое онъ доставлялъ ей самой, занимая видную и полезную должность. Для друзей-же Златоуста подобныя соображенія не могли имѣть значенія. Они видѣли, что при талантахъ Златоуста, потерять должность адвоката значило еще не много, что для его способностей кругъ дѣятельности судебного защитника еще очень тѣсенъ, а потому и не опасались удерживать его отъ разсѣянной жизни, хотя и они не менѣе Анеуса могли знать, что съ исправленіемъ жизни Златоустъ долженъ былъ стать совершенно чуждымъ высшему кругу и потерять въ немъ все для своей свѣтской карьеры. Какъ оказывается изъ свидѣтельствъ біографовъ, друзья Златоуста даже и хлопотали не только о томъ, чтобы онъ бросилъ разсѣянную жизнь, но и о томъ, чтобы онъ совершенно оставилъ свѣтскую службу. Они понимали, что Златоустъ, при своихъ необыкновенныхъ дарованіяхъ, гораздо болѣе можетъ принести пользы обществу, когда перемѣнитъ свѣтское званіе на духовное, и совѣтовали ему или поступить въ клиръ антиохійской церкви, или принять монашество. О послѣднемъ особенно хлопоталъ самый лучший другъ Златоуста Василій. Но поступленію Златоуста въ иноки воспротивилась Анеуса. Анеуса, повидимому, не хотѣла даже, чтобы и послѣ ея смерти Златоустъ сдѣлался инокомъ. Упрашивая его остаться въ родномъ домѣ, она говоритъ: „Когда предашь тѣло мое землѣ, тогда предпринимай далекія путешествія, переплывай моря, какія хочешь“, и однакожъ не рѣшается прямо сказать: тогда иди въ монастырь. Видно, что Анеусѣ тяжело было и подумать объ иночествѣ сына. Златоустъ не захотѣлъ огорчить мать и остался въ ея домѣ. Кромѣ просьбъ матери на Златоуста въ этомъ случаѣ, кажется, много повліялъ антиохійскій епископъ Мелетій, съ которымъ Златоустъ вскорѣ послѣ оставленія свѣтской должности очень коротко сблизился, принялъ отъ его рукъ крещеніе и былъ постояннымъ его посѣтителемъ. Мелетій, по замѣчанію Палладія, „пророческимъ духомъ предвидѣлъ послѣ-

дующее служеніе Златоуста“ и хотѣлъ въ своемъ клирѣ приготовить его къ будущей пастырской дѣятельности. Хотя не легко и не скоро, но всетаки епископу удалось убѣдить Златоуста сдѣлаться клирикомъ антиохійской церкви, въ качествѣ чтеца.

Со времени вступленія въ клирѣ, Златоустъ началъ свое богословское образованіе. Извѣстно, что въ то время еще не было специально богословскихъ школъ, какъ не было и богословской науки въ настоящемъ видѣ. Но зато жизнь въ клирѣ была хорошей школой какъ для получения богословскаго образованія, такъ и вообще для приготовления къ пастырской дѣятельности. „Здѣсь юноши, посвятившіе себя духовному званію“, подъ руководствомъ опытныхъ клириковъ „воспитывались сами и учились воспитывать другихъ въ духѣ христіанскаго благочестія и просвѣщенія“. Во времена Златоуста, клирѣ антиохійской церкви отличался особеннымъ благоустройствомъ и имѣлъ въ своей средѣ много высокообразованныхъ и высоконравственныхъ клириковъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчателенъ былъ самъ Мелетій, принадлежавшій къ числу тѣхъ пастырей, которые любили болѣе дѣло, чѣмъ слово, „болѣе благочестіе, чѣмъ мудрословіе“. По отзыву Златоуста, „онъ былъ мужъ высокой добродѣтели“. За святость жизни антиохійскіе граждане такъ уважали Мелетія, что „при одномъ имени его приходили въ восторгъ и каждый желалъ дать сыну своему имя Мелетія, считая это имя украшеніемъ родства, залогомъ благоденствія, радости и спасенія для носившихъ его“. На перстняхъ, печатяхъ, чашахъ и на стѣнахъ жилищъ постоянно можно было встрѣтить вырѣзаннымъ имя этого уважаемаго епископа. Насколько было сильно вліяніе Мелетія на антиохійское общество видно изъ того, что многіе изъ гражданъ переходили изъ аріанства въ православіе только ради того, что на сторонѣ православія былъ Мелетій. Всѣ благомыслящіе люди такъ привыкли считать любимаго архипастыря защитникомъ истины и православія, что Мелетію достаточно было просто заявить свой взглядъ, чтобы граждане, узнавъ его мнѣніе, воздержали-

лись отъ уклоненія въ ересь. Особеннымъ даромъ красно-рѣчія Мелетій не отличался, хотя въ тоже время, по замѣчанію Златоуста, „быль весьма опытенъ въ ученіи“, то есть, умѣлъ и взяться за дѣло учительства, какъ прилично опытному пастырю, и говорить именно для полезнаго наученія.

Изъ пастырской практики Мелетія записанъ историками одинъ фактъ, ясно показывающій, что Мелетій, какъ человѣкъ высоконравственный и дорожившій болѣе всего добродѣтельной жизнью, съ самаго начала своей пастырской дѣятельности рѣшился дѣйствовать на паству болѣе всего путемъ нравственнаго вліянія и только посредствомъ нравственнаго ученія думалъ склонить пасомыхъ и къ истинному вѣроученію. Θεодоритъ и Созоменьъ разсказываютъ, что въ самый день своего посвященія на антиохійскую кафедру, Мелетій, по приказанію императора, вмѣстѣ съ другими пастырями, долженъ былъ сказать экспромптомъ бесѣду на одно изъ самыхъ спорныхъ мѣстъ въ Св. Писаніи между православными и аріанами, именно на то мѣсто изъ книги Притчей, гдѣ говорится о созданіи Премудрости (Притч. 8, 22 и 23 ст.). Хотя предметъ, назначенный для собесѣдованія былъ чисто догматическаго характера и предложенъ былъ императоромъ въ интересахъ именно догматическихъ, не смотря на то, „Мелетій началъ свою рѣчь нравственными размышленіями о внутреннемъ общеніи со Христомъ, какъ основѣ нравственной христіанской жизни“, и только тогда, когда завладѣлъ и вниманіемъ и сердцемъ слушателей, перешелъ уже къ догматическимъ разсужденіямъ, но и здѣсь ограничился самымъ простымъ изложеніемъ своего взгляда, и не столько старался рѣшить предложенный вопросъ, сколько „убѣждалъ слушателей не испытывать того, что не уловимо испытаніемъ“. Если такъ поступилъ Мелетій въ первый день своего епископства, когда и желаніе императора, и ожиданія слушателей, и примѣръ другихъ пастырей, говорившихъ прежде него бесѣды на тотъ-же текстъ, и, наконецъ, самая сущность предложеннаго вопроса, требовали отъ него догматическихъ разсужденій, — то послѣ-

дующая его учительская дѣятельность почти исключительно была направлена къ тому, чтобы удерживать свою паству отъ догматическихъ споровъ и внушать всѣмъ и каждому, что безъ добродѣтели не спасетъ человѣка и правая вѣра. Въ одномъ изъ жизнеописаній Златоуста личность Мелетія и его пастырская дѣятельность характеризуются слѣдующими чертами. „Богобоязненный Мелетій и въ жизни и въ ученіи всегда свидѣтельствовалъ истину того, что безъ любви къ Богу не могутъ быть соблюдаемы Божественныя заповѣди, что просвѣщеніе ума и сердца не возможно тамъ, гдѣ не свѣтитъ законъ Господень, и что только тотъ въ состояніи право уразумѣвать и возвѣщать слово истины, кто доброю жизнью содѣлалъ свою душу храмомъ Христа“. Понятно послѣ всего этого, каково должно было быть вліяніе Мелетія на Златоуста. Всѣ біографы и ученые изслѣдователи жизни этого послѣдняго согласны относительно того, что Мелетій своими наставленіями и примѣромъ святой жизни, какъ нельзя болѣе, развилъ и укрѣпилъ нравственныя убѣжденія Златоуста, и возбудилъ въ немъ то горячее рвеніе къ нравственному исправленію жизни христіанскаго общества, какимъ (рвеніемъ) отличался Златоустъ впоследствии, когда выступилъ на проповѣдь христіанскаго ученія.

Въ то время, когда Мелетій такъ благотворно вліялъ на складъ нравственныхъ убѣжденій Златоуста, на его характеръ и направленіе его будущей пастырской дѣятельности, другой изъ антиохійскихъ клириковъ, пресвитеръ Діодоръ, впоследствии епископъ Тарсійскій, оказалъ Златоусту чрезвычайно важную услугу тѣмъ, что обогатилъ его умъ познаніями въ разныхъ богословскихъ наукахъ и особенно познаніями въ Св. Писаніи. Епископъ Тарсійскій Діодоръ извѣстенъ въ исторіи, какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ богослововъ своего времени и лучшихъ знатоковъ Св. Писанія. Онъ считается основателемъ антиохійской школы толкованія Св. Писанія,—школы не въ смыслѣ какого нибудь отдѣльнаго училища для преподаванія Св. Писанія, а въ смыслѣ отдѣльнаго на-

правленія въ толкованіи. Разсказываютъ, что Діодоръ не только не имѣлъ постоянной школы, но даже и постоянного пристанища для себя. Онъ жилъ, гдѣ привелось, и училъ, подобно философу Сократу, по большей части тамъ, гдѣ можно было встрѣтить больше слушателей. Благодаря такимъ переходамъ съ мѣста на мѣсто, преподаваніе Діодора было чуждо всякихъ школьных правилъ и пріемовъ. Въ виду постоянно мѣнявшихся слушателей, отличавшихся различными степенями пониманія, Діодоръ не могъ излагать своихъ уроковъ ни въ строго-научной системѣ, ни даже въ послѣдовательномъ порядкѣ. Толкованія его по Св. Писанію были ни чѣмъ инымъ, какъ импровизаціей, сказанной на извѣстный текстъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, по разнымъ поводамъ и при различныхъ обстоятельствахъ. Желая быть понятнымъ и полезнымъ для всѣхъ своихъ слушателей, Діодоръ старался избѣгать тѣхъ аллегорическихъ и умозрительныхъ объясненій, какія свойственны были александрійской школѣ. Въ противоположность преподавателямъ этой послѣдней, онъ обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на буквальный и нравственный смыслъ Св. Писанія и, объясняя его частію филологически, частію исторически, постоянно дѣлалъ практическія примѣненія своихъ уроковъ къ жизни слушателей. Вообще уроки Діодора, такъ сказать, сливались съ самою его жизнію, равно какъ съ жизнію и интересами его слушателей, а потому и отличались вполне жизненнымъ и практическимъ характеромъ, были просты, наглядны и чужды всякихъ отвлеченностей. Всѣ эти свойства, вмѣстѣ съ обширными свѣдѣніями по разнымъ богословскимъ наукамъ, перешли отъ Діодора и къ Златоусту. Онъ такъ-же держался по большей части буквального смысла Писанія, такъ-же прибѣгалъ къ филологическимъ и историческимъ объясненіямъ текста, такъ-же былъ простъ и общедоступенъ въ своихъ толкованіяхъ и, наконецъ, съ такимъ-же постоянствомъ, какъ Діодоръ, пользовался всякимъ случаемъ для того, чтобы познакомить съ Писаніемъ свою паству и вывести изъ него назидательный урокъ для нея. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ харакъ-

терахъ этихъ двухъ пастырей церкви замѣчается нѣкоторое сходство, такъ что можно думать, что Діодоръ отчасти раздѣлялъ съ Мелетіемъ и нравственное вліяніе на Златоуста. По свидѣтельству историковъ, Діодоръ имѣлъ въ высшей степени твердый и непоколебимый характеръ, стоялъ всегда за истину, какъ скала, и неустрашимъ былъ даже въ тѣ моменты, когда другихъ охватывалъ паническій страхъ. Такъ было напримѣръ во время гоненія на православныхъ при Валентѣ, когда весь городъ трепеталъ отъ ужаса, между тѣмъ какъ Діодоръ нисколько не потерялъ присутствія духа, ходилъ по домамъ укрѣплять гражданъ и убѣждалъ всѣхъ мужественно стоять за вѣру. Точно такимъ-же могучимъ и неустрашимымъ характеромъ отличался и Златоустъ, никогда не падавшій духомъ и нисколько не боявшійся говорить въ глаза правду самымъ сильнѣйшимъ и лютейшимъ своимъ врагамъ.

Въ клирѣ антиохійской церкви, въ качествѣ чтеца Златоустъ провелъ цѣлыхъ четыре года (370—374). Въ теченіе этого времени умерла Аноуса, а подъ конецъ сосланъ былъ въ ссылку Мелетій, и Златоусту никто болѣе не препятствовалъ уже пройти самую послѣднюю и трудную воспитательную школу, именно школу иноческой жизни, сначала въ монастырѣ—подъ руководствомъ опытныхъ старцевъ, а потомъ вполне самостоятельную—въ уединенной пещерѣ въ пустынѣ. Хотя монастырская и въ особенности пустынная жизнь была не по характеру Златоуста, любившаго болѣе дѣятельность въ обществѣ, чѣмъ созерцательную жизнь, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился сдѣлаться инокомъ, чтобы лучше приготовить себя къ будущему служенію. Въ то время между людьми, готовившими себя къ пастырской дѣятельности, былъ обычай, прежде посвященія, удаляться на нѣсколько лѣтъ въ пустыню, которая считалась лучшей предварительной школой для пастыря церкви. Какъ извѣстно, всѣ знаменитые отцы церкви IV вѣка до епископства значительное время жили въ пустынѣ. Можетъ быть, что и Златоустъ оставилъ общество, отчасти уступая общему обычаю. Но были

и другія причины, заставившія его удалиться изъ міра. „Онъ“, говоритъ Поль Альбертъ, „поспѣшилъ удалиться отъ того печальнаго зрѣлища, которое представлялъ собою міръ. Всюду была анархія, безпорядки и возмущенія. Варвары, какъ волны, стремились со всѣхъ сторонъ на имперію... Гунны, переправившись черезъ море, наводнили собою востокъ. Въ то же время церковь раздираема была междоусобной религіозной войной... Аріанство, осужденное въ Никеѣ, но теперь покровительствуемое императорами Констанціемъ и Валентомъ, съ энергіей боролось противъ православія: созывало соборы, отрѣшало отъ должностей православныхъ епископовъ, назначало имъ преемниковъ, производило постоянныя, часто кровавыя, волненія и т. под. Въ самой Антіохіи низложенъ былъ Мелетій... Среди такихъ волненій, очень естественно, что души, жаждущія мира, съ радостію удалялись въ пустыню“. Самымъ-же сильнымъ побужденіемъ, заставившимъ Златоуста скрыться въ монастырь, было слѣдующее обстоятельство. По причинѣ гоненія на православныхъ со стороны аріанъ, о которомъ упоминаетъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ Поль Альбертъ, многія церкви потеряли своихъ пастырей. Одни умерли подъ гнетомъ разнообразныхъ притѣсненій и оскорбленій на своихъ кафедрахъ, другіе заключены были въ темницы, а большая часть погибла въ мѣстахъ заточенія. Православные епископы, оставшіеся въ живыхъ, когда гоненіе начало стихать, стали замѣщать опустѣвшія епископскія кафедры новыми достойными лицами. Въ народѣ разнеслась молва, что и Златоуста, вмѣстѣ съ другомъ его Василиемъ, хотятъ поставить въ епископы. Молва оказалась дѣйствительно справедливой. Вскорѣ прибылъ въ городъ епископъ, которому назначено было рукоположить Златоуста и Василія. Ни тотъ, ни другой, однакожь, не считали себя достойными такого высокаго служенія и рѣшились отказаться отъ предложенной чести. Что касается Василія, то прѣхавшему епископу удалось всетаки вынудить у него согласіе на посвященіе, и онъ былъ немедленно рукоположенъ. Опасаясь той же участи и для себя или,

еще хуже, насильственного посвященія, Златоустъ рѣшился бѣжать изъ города и укрылся въ одинъ сосѣдній съ Антіохіей монастырь, расположенный на берегу рѣки Оронта. Въ этомъ монастырѣ онъ и оставался цѣлыхъ четыре года (375—378), а затѣмъ для высшихъ аскетическихъ подвиговъ удалился въ уединенную пещеру. Пребываніе въ монастырѣ и въ пещерѣ было важно для Златоуста тѣмъ, что здѣсь, въ суровыхъ аскетическихъ подвигахъ, онъ окончательно выработалъ ту твердость и стойкость характера, которой нѣкоторое подобіе прежде могъ видѣть только въ учителѣ своемъ Діодорѣ и которой самъ до сихъ поръ не имѣлъ. Здѣсь-же, путемъ собственнаго опыта и различныхъ искушеній онъ познакомился со всѣми слабостями человѣческаго сердца и основательно изучилъ человѣческую природу. Наконецъ здѣсь-же, благодаря разнаго рода лишеніямъ и постоянной бдительности надъ собой, онъ одержалъ полную побѣду надъ своими страстями и съ полнымъ правомъ могъ въ послѣдствіи говорить о себѣ, что „нѣтъ зла больше того зла, какое“ онъ „побѣдилъ“. Можно думать, что аскетическіе подвиги, пройденные Златоустомъ въ пустынѣ, не менѣ блестящаго краснорѣчія, сообщали дѣятельности его то значеніе и авторитетъ, предъ которымъ въ послѣдствіи благоговѣли цѣлыя массы народа, какъ извѣстно, всегда отличающагося особенной любовью къ пустынноикамъ.

Но тѣ же аскетическіе подвиги, при всемъ своемъ значеніи для нравственнаго самоусовершенствованія Златоуста, отозвались чрезвычайно вредно на состояніи его здоровья и заставили его возвратиться въ городъ. Мелетій, только что вернувшійся къ тому времени изъ ссылки, посвятилъ Златоуста въ санъ діакона, въ которомъ онъ и пробылъ цѣлыхъ пять лѣтъ (380—385), и также не безъ пользы для своей будущей дѣятельности. „Извѣстно“, говоритъ Поль Альбертъ: „какъ важна была въ древней церкви должность діакона. Онъ былъ слугою бѣдныхъ, раздаятелемъ милостыни, надзирателемъ и стражемъ у дверей храма. Епископъ часто возлагалъ на него разныя порученія. Должность трудная, требовавшая беззавѣтной

покорности во всякое время, но зато представлявшая собою—самое лучшее приготовленіе къ должности пастыря (священника и епископа) и вмѣстѣ самое неустанное упражненіе въ обязанностяхъ любви. Быть естественной опорой бѣдныхъ, изучать ихъ несчастія, видѣть собственными глазами крайность нуждъ, находить причины этому часто въ жадности и жестокости богачей, въ безжалостныхъ и несправедливыхъ притѣсненіяхъ правительства, являться къ неимущимъ и слабымъ какъ бы видимое орудіе церкви, получать общую признательность—быть любимымъ и благословляемымъ отъ тѣхъ, которые страдаютъ,—лучше такого служенія не могло быть для человѣка, сердце котораго было такъ любвеобильно и который такъ страстно ненавидѣлъ неправду!“—Діаконствомъ и закончилось приготовленіе Златоуста къ пастырскому служенію. Въ 386-мъ году, почти сорока лѣтъ отъ роду, онъ посвященъ былъ въ санъ пресвитера антиохійской церкви Флавіаномъ, преемникомъ Мелетія.

Послѣ всего сказаннаго, приготовленіе Златоуста къ пастырской дѣятельности для проведенія въ жизнь общества высокихъ началъ христ. нравственности представляется вообще въ такомъ видѣ. Въ родномъ городѣ Златоусту представялась полная возможность познакомиться со всѣми родами жизни и съ самыми разнообразными характерами людей. Въ частности, въ домѣ матери, женщины, принадлежавшей къ высшему кругу общества, онъ постоянно долженъ былъ находиться въ средѣ людей вышаго круга, родныхъ и знакомыхъ Анѳусы, могъ изучить ихъ привычки, образъ мыслей и т. под. Еще болѣе онъ имѣлъ случаевъ изучить этотъ кругъ, когда самъ вошелъ въ него въ званіи судебного адвоката и началъ было вести жизнь свѣтскаго человѣка. Въ томъ-же званіи онъ могъ близко познакомиться съ жизнію и нуждами и другихъ классовъ общества, какъ защитникъ невинныхъ и угнетенныхъ людей, которые, конечно, могли принадлежать къ различнымъ общественнымъ сословіямъ. Въ концѣ приготовленія къ пастырской дѣятельности, именно въ званіи діакона, еще болѣе должно было увеличиться зна-

комство его съ людьми всѣхъ общественныхъ положеній и состояній.—Лѣтъ за 12 передъ тѣмъ, находясь въ школѣ язычника Ливанія, среди товарищей, также по большей части язычниковъ, Златоустъ непосредственно могъ видѣть жизнь, обычаи и привычки язычниковъ, равно какъ приобрѣсти свѣдѣнія объ ихъ вѣрованіяхъ и учености.—Среди клириковъ хорошо изучилъ онъ жизнь бѣлаго духовенства. Въ обществѣ монаховъ узналъ монастырскую жизнь, вмѣстѣ съ стремленіями и идеалами иноковъ.—Мало того, Златоустъ не только могъ видѣть и хорошо знать людей въ самыхъ разнообразныхъ ихъ званіяхъ и положеніяхъ, но и самъ прошелъ опытно всѣ роды жизни—отъ разсѣяннаго свѣтскаго человѣка до строгаго аскета и уединеннаго затворника, отъ чтеца до пресвитера (и потомъ епископа), отъ одного изъ самыхъ богатыхъ людей въ Антиохіи, до бѣднѣйшаго нищаго, какимъ сдѣлался, когда предъ уходомъ въ монастырь отдалъ все свое богатство бѣднымъ.

Что касается воспитанія Златоуста, то и оно прошло при самыхъ лучшихъ условіяхъ. Практическая, но въ то же время нѣжная и любящая мать, кроткій и искренно привязанный другъ Василиій безспорно самымъ благотворнымъ образомъ вліяли на нѣжное сердце Златоуста. Умный и краснорѣчивый учитель Ливаній развилъ въ будущемъ проповѣдникѣ природный умъ и даръ слова; Діодоръ обогатилъ Златоуста разными богословскими познаніями, между тѣмъ какъ Мелетій оказалъ одно изъ лучшихъ вліяній на складъ нравственныхъ убѣжденій своего клирика и на направленіе будущей его дѣятельности. Наконецъ лишенія пустыни и борьба съ самимъ собой, какъ нельзя болѣе закалили волю Златоуста, сдѣлали его глубокимъ опытнымъ психологомъ и почти со всѣмъ освободили отъ страстей.

Съ такими рѣдкими качествами ума, сердца и воли, съ такимъ полнымъ знаніемъ жизни и людей, выступилъ Златоустъ на поприще пастырской дѣятельности. Можно сказать, что люди, обстоятельства и разныя положенія, видѣнныя и испытанныя Златоустомъ—все какъ будто

нарочно подобрано было для того, чтобы образовать и приготовить въ немъ самаго лучшаго, могучаго и вліятельнѣйшаго проповѣдника христіанскаго нравоученія, такого проповѣдника, который выступилъ на свою дѣятельность во всеоружіи необходимыхъ средствъ, знаній и личныхъ достоинствъ.

Необыкновенный умъ, блестящее краснорѣчіе и замѣчательный практическій талантъ не замедлили выдвинуть Златоуста изъ ряда другихъ пресвитеровъ антиохійской церкви и „сдѣлать правой рукой архіепископа Флавіана“. Въ то время, какъ прочіе священники занимались отправленіемъ богослуженія и совершеніемъ требъ, Златоусту престарѣлый Флавіанъ поручилъ вмѣсто себя исключительно заняться проповѣдью. Но для новаго пастыря проповѣдь была не просто возложенной обязанностью, а и самой дорогой и близкой къ сердцу дѣятельностію. Она была природнымъ призваніемъ Златоуста, которому этотъ послѣдній не только не могъ противиться, но всегда отдавался со всею жаромъ и любовью. Златоустъ горячо любилъ своихъ согражданъ и забота объ ихъ благѣ непреодолимо побуждала его постоянно говорить съ ними и поучать ихъ. Случалось, что онъ въ одинъ день произносилъ по нѣскольку проповѣдей. Никакія неудачи въ дѣлѣ нравственнаго исправленія паствы не могли заставить его, въ продолженіи всего двѣнадцатилѣтняго пресвитерства своего въ Антиохіи, отказаться отъ проповѣди. Златоусту нерѣдко говорили: „Оставь совѣтовать, перестань увѣщевать: не хотятъ слушать тебя“; но онъ не обращалъ на это вниманія и по-прежнему, если не болѣе, занимался проповѣдью. Ему казалось невѣроятнымъ, чтобы его проповѣдь была совершенно безуспѣшна и чтобы никто изъ его слушателей не внялъ его слову. Въ тѣхъ случаяхъ, когда просили его прекратить бесѣды, онъ обыкновенно говорилъ. „Невѣроятно, чтобы сѣмя, повергаемое въ такомъ множествѣ, не принесло мнѣ плода. Если не все послушаютъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые, или хотя даже одинъ, и того доста-

точно для моего утѣшенія“. Вообще для нравственнаго воспитанія и исправленія своей паствы Златоустъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ, ни здоровья, и самая жизнь, по его собственнымъ словамъ, имѣла для него цѣну только потому, что была полезна для нравственнаго усовершенствованія его согражданъ.

Познакомимся теперь съ бытомъ и взглядами антиохійскихъ современниковъ Златоуста, то есть съ тѣмъ состояніемъ ихъ, которое вызвало Златоуста на противо-дѣйствіе; укажемъ всѣ, особенно выдающіеся, недостатки, пороки и заблужденія антиохійскаго общества; опишемъ порознь каждый порокъ тѣми чертами, какія находятся въ твореніяхъ Златоуста, и посмотримъ, какія мѣры употреблялъ онъ для того, чтобы уничтожить въ паствѣ ту или другую страсть, то или другое заблужденіе, и замѣнить чистой христіанской добродѣтелью.

Въ ряду пороковъ и заблужденій, распространенныхъ въ обществѣ антиохійскихъ христіанъ второй половины IV в., если не болѣе всего, то прежде и неизбѣжно всего, Златоустъ долженъ былъ встрѣтить приверженность къ старымъ, частію языческимъ, частію іудейскимъ религіознымъ вѣрованіямъ и суевѣрнымъ обычаямъ, въ особенности приверженность къ религіознымъ языческимъ праздникамъ, повѣрьямъ, примѣтамъ, предзнаменованіямъ и тому подобнымъ остаткамъ старины. Всѣ эти принадлежности іудейско-языческой древности еще во всей силѣ господствовали между тогдашними христіанами Антиохіи вслѣдствіе разныхъ причинъ. Самою главною изъ нихъ была, безъ сомнѣнія, та, что со времени пріобрѣтенія христіанской религіей правъ гражданства, утвержденныхъ извѣстнымъ указомъ Константина Великаго. до вступленія Златоуста на поприще пастырской дѣятельности протекло всего нѣсколько десятковъ лѣтъ — срокъ слишкомъ недостаточный для того, чтобы истинный духъ христіанства, какъ слѣдуетъ, могъ проникнуть въ сознаніе и жизнь большей части новопросвѣщенныхъ христіанъ. Тѣмъ болѣе этого не могло быть, что какъ только христіанство объявлено было господствующей религіей и на сторонѣ

его стали сами императоры, язычники и даже іудеи массами стали принимать христіанство, но только немногіе изъ нихъ по искреннему убѣжденію, большая-же часть по разнымъ практическимъ разсчетамъ и соображеніямъ. Иные становились христіанами потому, что боялись попасть въ немилость у правительства и потерять занимаемую должность, другіе изъ желанія обратить на себя вниманіе высшихъ лицъ и добиться повышенія въ службѣ, иные изъ боязни прослыть людьми отсталыми за исповѣданіе той религіи, которую уже давно стали называть „вѣрой грубыхъ поселянъ“, а иные просто изъ любопытства, или же по примѣру другихъ. Само собою разумѣется, что подобные христіане только украшались и прикрывались именами христіанъ, а мыслили и жили по прежнимъ своимъ обычаямъ и уставамъ, языческимъ или іудейскимъ, смотря по тому, къ какому вѣроисповѣданію принадлежали до принятія новой вѣры, къ язычеству или іудейству; въ христіанствѣ-же довольствовались соблюденіемъ одной внѣшности, но и ту многіе въ душѣ искренно презирали и только изъ страха и разчета не смѣли явно обнаружить своего презрѣнія. Вслѣдствіе всего этого требовалось не малое время для того, чтобы заставить однихъ перемѣнить взглядъ на новую вѣру, а другихъ разстаться съ прежнимъ привычнымъ образомъ жизни. Далѣе, для того, чтобы надлежащимъ образомъ перевоспитать общество и замѣнить прежнія его вѣрованія и старинные обычаи новыми христіанскими, нужна была усиленная проповѣдническая дѣятельность именно въ этомъ направленіи, а этой-то дѣятельности и недоставало между тогдашними проповѣдниками, благодаря тому, что почти всѣ они заняты были болѣе догматическими спорами, чѣмъ нуждами современной общественной жизни. При томъ, христіанству тѣмъ труднѣе было побѣждать и вытѣснять изъ среды новыхъ своихъ прозелитовъ укоренившуюся языческую и іудейскую старину, что та и другая имѣла живыхъ представителей въ лицѣ язычниковъ и іудеевъ, составлявшихъ вмѣстѣ болѣе половины всего антiохійскаго населенія и своимъ живымъ примѣромъ заразительно

дѣйствовавшихъ на христіанъ и не только недававшихъ имъ забыть своего недавняго и, можно сказать, излюбленнаго прошлаго, но и всячески старавшихся поддерживать въ христіанахъ память объ оставленной старинѣ. Къ всему этому нужно наконецъ прибавить, что всего за нѣсколько лѣтъ до пресвитерства Златоуста, въ лицѣ Юліана явился коронованный защитникъ и возстановитель язычества, давшій многимъ изъ притворныхъ христіанъ поводъ думать и надѣяться, что языческая религія со временемъ снова возобладаетъ надъ христіанствомъ, тѣмъ болѣе, что язычество того времени, благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ ученыхъ своихъ приверженцевъ, начало повидимому періодъ своего обновленія, хотя, какъ оказалось на дѣлѣ, обновленіе это было послѣднимъ усиленнымъ вздохомъ отжившей свои счастливые дни религіи, вздохомъ, похожимъ на послѣдній глубокій вздохъ умирающаго. По всѣмъ указаннымъ, но не вполне еще исчисленнымъ, причинамъ, въ обществѣ христіанъ второй половины IV в., въ частности въ обществѣ христіанъ антiохійской церкви, рѣдко можно было встрѣтить людей съ истинно христіанскимъ образомъ мыслей и, какъ увидимъ ниже, еще рѣже того — съ истинно-христіанскимъ образомъ жизни. Можно сказать, что IV вѣкъ христіанства—вѣкъ золотой по торжеству православія и развитію христіанскаго просвѣщенія, — знаменитъ былъ дѣятельностію св. отцевъ церкви, но далеко не могъ быть названъ золотымъ вѣкомъ христіанства по нравственной жизни громаднаго большинства христіанъ. Одни изъ нихъ, считаясь христіанами, по-прежнему продолжали принимать участіе въ языческихъ религіозныхъ торжествахъ, присутствовали при совершеніи обрядовъ языческаго культа, раздѣляли вмѣстѣ съ язычниками увеселенія, сопровождавшія отправленіе того или другаго языческаго праздника, и вообще во многомъ увлекались еще языческой стариной. Другіе тоже самое дѣлали по отношенію къ іудейской религіи.

Проповѣди Златоуста къ антiохійскому народу служатъ самымъ яснымъ и нагляднымъ свидѣтельствомъ того,

насколько еще сильна была привязанность христіанъ его времени къ языческо-іудейской старинѣ. Такъ, многіе изъ современныхъ Златоусту христіанъ языческаго происхожденія не только питали уваженіе къ существовавшимъ еще языческимъ храмамъ, но не могли отказать въ уваженіи даже къ сожженному давно храму Аполлона, находившемуся въ антиохійскомъ предмѣстіи Дафнѣ, къ храму, отъ котораго остались однѣ голыя стѣны и обгорѣлыя колонны и въ которомъ не было уже ни знаменитаго прорицалища, ни идола. Сюда въ обычное время, вмѣстѣ съ язычниками, по старой, но все еще свѣжей, памяти собирались и многіе изъ христіанъ для того, чтобы въ честь сожженного кумира предаться плотскимъ удовольствіямъ въ окружавшей тогда храмъ роскошной кипарисовой рощѣ. Правда, присутствіе въ Дафнѣ храма мученика Вавилы и воспоминаніе о чудесномъ сожженіи капища заставляли многихъ держать себя приличнѣе, но уже то обстоятельство, что христіане, какъ свидѣтельствуемъ Златоустъ, всетаки собирались къ капищу, ясно показываетъ, что симпатіи ихъ все еще возвращались къ прежней религіи.

Неопровержимое подтвержденіе этому можно видѣть и въ извѣстной проповѣди Златоуста на Новый голъ. Изъ многихъ подробностей встрѣчи и празднованія новаго года, взятыхъ прямо изъ язычества, укажемъ прежде всего на упоминаемый Златоустомъ обычай христіанъ убирать вѣнками и гирляндами изъ цвѣтовъ двери своихъ домовъ. Извѣстно, что первый мѣсяцъ года, январь, и особенно первое число этого мѣсяца, или календы, римскіе язычники, а потомъ и всѣ языческіе подданные римлянъ, каковыми были и антиохійцы,—посвящали Янусу, божеству, стоявшему, по вѣрованіямъ язычества, при дверяхъ неба и отправлявшему должность небеснаго привратника, или, по буквальному значенію латинскаго слова, *janua*,—дверь, —„придверника“. Въ честь этого именно Януса язычники и увѣнчивали двери домовъ, думая тѣмъ умилостивить небеснаго привратника на тотъ случай, если онъ вздумаетъ воспрепятствовать ихъ мольбамъ возноситься въ

небесное жилище боговъ. Такимъ образомъ обычай вѣшать въ день новаго года вѣнки на двери—обычай чисто языческій, и если антиохійскіе христіане временъ Златоуста въ январскіе календы увѣнчивали двери своихъ домовъ, то это обстоятельство ясно показываетъ, что они все еще питали расположеніе къ языческому культу и наравнѣ съ язычниками раздѣляли ихъ религіозныя заблужденія. Нельзя думать, чтобы разсматриваемый поступокъ антиохійскихъ христіанъ былъ простымъ, утратившимъ свой настоящій смыслъ, обыкновеніемъ, въ родѣ, на примѣръ, многихъ, оставшихся отъ временъ язычества, обыкновений въ нашемъ народѣ,—нельзя потому, что большая часть антиохійскихъ христіанъ едва только была обращена въ христіанство и, слѣдовательно, хорошо могла помнить, что вѣшаніе вѣнковъ на двери есть ни что иное, какъ жертва извѣстному языческому божеству. — Кромѣ вѣшанія вѣнковъ и гирляндъ на двери, и другія подробности празднованія новаго года, какъ эти подробности изображаетъ Златоустъ, имѣли у антиохійскихъ христіанъ чисто языческій характеръ. Такъ, язычники, какъ извѣстно, первый день новаго года старались провести какъ можно веселѣе и торжественнѣе, въ той увѣренности, что Янусъ, расположенный въ ихъ пользу совершающимся въ честь него торжествомъ, будетъ въ продолженіи цѣлаго года отворять двери неба для ниспосланія имъ всевозможныхъ благъ и милостей отъ боговъ, изъ коихъ ни одинъ, не исключая даже и верховнаго Юпитера, ни самъ не можетъ сойти съ неба на землю, ни ниспослать отъ себя какое-либо благодѣяніе людямъ безъ вѣдома небеснаго привратника. „Ipse Jupiter it et rediit meo officio“, говорилъ однажды самъ Янусъ поэту Овидію о своихъ преимуществахъ. По примѣру язычниковъ и вмѣстѣ съ ними, и христіане, мужчины и женщины, предавались, по описанію Златоуста, въ этотъ день полному разгулу въ домахъ, на городской площади и еще болѣе по гостинницамъ, гдѣ всю ночь до разсвѣта происходили самыя неумѣренныя попойки, со всѣми ихъ гнусными и отвратительными слѣдствіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ день новаго года христіане

устраивали разнаго рода игры и производили гаданія о будущемъ счастья, какъ все это дѣлали язычники. Недаромъ все торжество на новый годъ Златоустъ называетъ „дьявольскимъ бдѣніемъ, сатанинскою пляскою, бѣсовскимъ гуляніемъ“ — и тому подобными рѣзкими словами: на языкѣ Златоуста, эти эпитеты — дьявольскій, бѣсовскій, сатанинскій и т. под. означаютъ тоже, что языческій, такъ какъ все языческое онъ, по примѣру другихъ отцовъ, считалъ ни чѣмъ инымъ, какъ именно служеніемъ сатанѣ и бѣсамъ. Двухъ приведенныхъ примѣровъ, т. е. участія христіанъ въ празднествѣ въ честь Аполлона и празднованія ими январскихъ календъ, достаточно для того, чтобы видѣть, какъ мало антиохійскіе христіане изъ язычниковъ во второй половинѣ IV в. освободились еще отъ вліянія прежняго своего культа.

Тожѣ самое проповѣди Златоуста свидѣтельствуютъ и относительно христіанъ іудейскаго происхожденія. И эти послѣдніе все еще не могли забыть своихъ старыхъ религіозныхъ вѣрованій и обыкновеній: ходили въ синагоги іудеевъ, принимали участіе въ іудейскихъ праздникахъ и постахъ и соблюдали многіе другіе іудейскіе обычаи, презирая въ то же время праздники, посты и обычаи христіанскіе, и рѣдко заглядывая въ христіанскіе храмы. Насколько простиралось уваженіе христіанъ къ іудейскимъ синагогамъ въ ущербъ уваженію къ христіанскимъ храмамъ, показываетъ одинъ случай, видѣнный самимъ Златоустомъ, вѣроятно во время его судебной практики, и рассказанный имъ въ словѣ противъ іудеевъ. По словамъ Златоуста, у одной почтенной женщины-христіанки завязалось какое-то спорное дѣло съ мужчиною, то же христіаниномъ, которое трудно было рѣшить обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ посредствомъ безпристрастнаго разбирательства, и приходилось обратиться къ религіозной клятвѣ. вмѣсто того, чтобы взаимно поклясться въ христіанскомъ храмѣ, христіанинъ сталъ принуждать противную сторону поклясться непременно въ еврейской синагогѣ, — знакъ, что по взгляду его послѣдняя была лучше и священнѣе, нежели храмъ христіанскій. — Въ

томъ-же самомъ словѣ противъ іудеевъ Златоустъ говоритъ о предпочтеніи праздниковъ и постовъ еврейскихъ праздникамъ и постами христіанскимъ. По его свидѣтельству въ одинъ годъ нѣкоторые изъ христіанъ во время праздника христіанской Пасхи соблюдали строгій постъ и ходили во власяницѣ, потому что въ это время еще не кончился постъ іудейскій, и только тогда сняли съ себя вретиче, когда наступилъ праздникъ пасхи у евреевъ. Такимъ образомъ изъ проповѣдей Златоуста видно, что общество антиохійскихъ христіанъ его времени далеко еще не было настоящимъ христіанскимъ обществомъ, такъ какъ въ убѣжденіяхъ тогдашнихъ христіанъ господствовала какая-то смѣсь іудейскихъ, языческихъ и христіанскихъ вѣрованій.

Но примѣсь іудейскихъ и языческихъ религіозныхъ вѣрованій къ вѣрованіямъ христіанскимъ была еще не единственнымъ наслѣдіемъ, доставшимся антиохійскимъ христіанамъ отъ язычества и іудейства. Къ вѣрованіямъ и обычаямъ чисто религіознымъ присоединялось множество и другихъ остатковъ іудейства и язычества, относившихся не столько къ религіи, сколько къ обычаямъ бытовой жизни, хотя, впрочемъ, имѣвшихъ не малую связь и съ самой религіей, особенно съ языческой. Мы разумѣемъ здѣсь съ одной стороны существованіе у антиохійскихъ христіанъ множества повѣрій, примѣтъ и предзнаменованій, заимствованныхъ у язычниковъ, а съ другой—страсть къ ворожбѣ, которою хотя занимались и язычники, но которая между антиохійскими христіанами, какъ видно изъ проповѣдей Златоуста, поддерживалась болѣе іудеями.

Обратимся сначала къ разсмотрѣнію повѣрій, примѣтъ и предзнаменованій, въ которыхъ Златоустъ отличалъ своихъ согражданъ. Въ одной изъ проповѣдей Златоустъ говоритъ, что суевѣрные современники его всякій день, какъ выходили изъ дому, замѣчали, съ кѣмъ первый разъ встрѣтятся—съ здоровымъ или больнымъ человекомъ, съ богачемъ или бѣднымъ, съ цѣломудренной дѣвицей или блудницей и тому подобное, и по этой встрѣчѣ опредѣляли, добрый или худой будетъ наступающій день.

Встрѣча съ кривымъ или хромымъ и вообще съ больнымъ человѣкомъ считалась дурнымъ предзнаменованіемъ, равно какъ съ дѣвицей хорошаго поведенія считалась признакомъ бесполезности дня; напротивъ, встрѣча съ блудницей или здоровымъ человѣкомъ, особенно съ богачемъ, считалась, по примѣтѣ суевѣровъ, предзнаменованіемъ счастливаго дня. Такимъ образомъ здѣсь заразъ встрѣчаемся мы и съ вѣрой въ счастливые и несчастливые дни и встрѣчи, и вмѣстѣ съ обычаемъ примѣчать по разнымъ признакамъ или предзнаменованіямъ, т. е. со всѣми тремя указанными видами суевѣрій.—Кромѣ того у Златоуста находимъ еще свидѣтельство о томъ, что современники его вѣрили въ дурной глазъ и употребляли противъ него разныя предохранительныя средства, какія считали въ томъ или другомъ случаѣ дѣйствительными. Такъ, на примѣръ, чтобы предохранить отъ дурного глаза новорожденнаго младенца, бабки, няньки или кормилицы, вообще кто только присутствовалъ по той или другой обязанности при рожденіи дитяти, брали съ полу въ банѣ, гдѣ происходилъ актъ рожденія, нѣсколько грязи и мазали ей чело младенца, выводя на немъ какіе-то символическіе знаки. Нѣкоторые для той-же цѣли, т. е. для предохраненія отъ дурного глаза, обязывали новорожденному голову пурпуровой повязкой, привѣшивали къ шеѣ его медальоны и небольшіе колокольчики, а къ ногамъ привязывали мѣдныя монеты съ изображеніемъ Александра Македонскаго. Вообще съ самага рожденія и колыбели младенецъ окружался цѣлой массой всевозможныхъ суевѣрій. Даже названіе дитяти тѣмъ или другимъ именемъ давалось на основаніи суевѣрныхъ примѣтъ и предзнаменованій. Приписывая имени какое-то магическое вліяніе на организмъ человѣка, суевѣрные современники Златоуста, прежде чѣмъ такъ или иначе назвать младенца, зажигали множество свѣчъ и каждой изъ нихъ давали особое наименованіе, чтобы потомъ назвать младенца именемъ той свѣчи, которая дольше всѣхъ прогоритъ, что было, по ихъ мнѣнію, предзнаменованіемъ долготѣней жизни.—И затѣмъ во время всей своей жизни антиохіецъ придер-

живался примѣтъ и такимъ образомъ опутывалъ себя и другихъ суевѣрїями на каждомъ шагу. Особенно въ важныхъ случаяхъ своей и чужой жизни онъ „примѣшивалъ суевѣрїя ко всѣмъ тѣмъ обстоятельствамъ, гдѣ на первомъ планѣ должно было стоять благословеніе церкви и обряды религіозные“. Заключение браковъ, проводы умершихъ и т. под. важныя событія челоуѣческой жизни,—все сопровождалось у современниковъ Златоуста наблюденіемъ тѣхъ или другихъ суевѣрныхъ примѣтъ.

Такъ-же сильно, если еще не болѣе, распространена была между антиохійскими христіанами и страсть къ ворожбѣ. „Антиохія, по свидѣтельству Тацита, „всегда была сборищемъ ворожей, гадателей, маговъ, дивотворцевъ и колдуновъ“. Географическое положеніе Антиохіи, по сосѣдству съ Персіей—родиной маговъ, было, кажется, главной причиною развитія волшебства въ такомъ городѣ, въ который постоянно стекались люди всевозможныхъ странъ, званій и занятій, въ городѣ при томъ въ высшей степени суевѣрномъ и, слѣдов., представлявшемъ самую удобную и благодарную почву для всякаго, кто бы и какія сѣмена суевѣрїя не задумалъ здѣсь посеять, чтобы только получить хорошую награду за свой трудъ. Во дни Златоуста, по словамъ Созомена, даже люди, украшавшіе себя философскою мантией, то есть философы, за недостаткомъ учениковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за недостаткомъ въ средствахъ содержанія, промышляли въ Антиохіи ворожбой и гаданіями, такъ что разъ нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе неосторожнаго предсказанія преемника Валенту, подвергли себя и другихъ своихъ собратій, по одеждѣ и ремеслу, ужасному преслѣдованію, жертвой котораго едва было не сдѣлался и Златоустъ, въ руки котораго нечаянно попала книга, носившая названіе магіи. Но гораздо болѣе, чѣмъ языческіе философы, постарались усвоить себѣ тайны волшебнаго искусства іудеи. Магія, каббалистика, астрологія, теургія и другія запрещенныя науки изучались Іудеями самымъ тщательнымъ образомъ, потому что приобрѣтали имъ славу знатоковъ сокровенныхъ тайнъ и силъ природы и чрезъ это привлекали къ нимъ вниманіе

и щедрость довѣрчивыхъ суевѣровъ, постигнутыхъ тѣмъ или другимъ несчастіемъ или хотѣвшихъ узнать свою будущую судьбу. Особенно приписывали себѣ іудеи знаніе тайнъ врачебнаго искусства, какъ самаго выгоднаго, и промышляли этимъ знаніемъ не только мужчины, но и женщины, которыя, вѣроятно, самыми науками о волшебствѣ вовсе и не занимались, а только усвоили себѣ отъ мужей внѣшніе приемы чародѣйства. По словамъ Златоуста, еврейки, своими волшебными чарами, магическими заклинаніями и заговорами, такъ дѣйствовали на суевѣрные умы антиохійскихъ христіанъ и особенно христіанокъ, что можно было признать нравственнымъ подвигомъ поступокъ той женщины, которая, въ виду опасной болѣзни своего сына, не обращалась бы къ помощи заговоровъ „этихъ болтливыхъ старухъ“. Даже по переходѣ въ христіанство хитрыя обманщицы не оставляли искусства волхвованія и, по свидѣтельству Златоуста, самое имя Христа вносили въ рядъ своихъ заклинательныхъ словъ, чтобы такимъ образомъ показать видъ, будто онѣ дѣйствуютъ именемъ Божіимъ и что, слѣдовательно, въ ихъ ворожбѣ нѣтъ ничего предосудительнаго. Нерѣдко еврейки за тѣмъ и принимали христіанство, чтобы удобнѣе завлечь въ свои сѣти христіанъ, и на столько успѣвали въ этомъ, что многіе изъ антиохійскихъ пасомыхъ предъ самимъ Златоустомъ извиняли свое обращеніе къ заговорамъ тѣмъ, что имъ ворожили христіанки и употребляли при этомъ имя Божіе. Мало того, нѣкоторые изъ евреевъ и евреекъ, недовольствуясь этимъ обманомъ, употребляли для врачеванія христіанъ такіе приемы и средства, которые прямо рассчитаны были на то, чтобы возбудить въ христіанахъ уваженіе къ синагогѣ и вообще къ обрядамъ и вѣрованіямъ іудейскимъ. Въ одномъ изъ своихъ словъ противъ іудеевъ Златоустъ говоритъ, что знахари іудейскіе, промышлявшіе врачествомъ болѣзней, внушали обращающимся къ нимъ за леченіемъ христіанамъ, что еврейская синагога, находящаяся въ Дафнѣ, состоитъ подъ особымъ покровительствомъ высшихъ силъ и что больному только стоитъ отправиться къ этой синагогѣ и провести въ ея

преддверіи только одну ночь, чтобы узнать въ сонномъ откровеніи средство къ излеченію болѣзни. Само собою понятно, что больной, поддавшійся такому обману, изъ преддверія синагоги легко могъ попасть и въ самую синагогу, особенно если волшебная продѣлка надъ нимъ такъ или иначе удалась, къ чему конечно хитрые обманщики прилагали всѣ старанія, а затѣмъ, не только самъ получившій откровеніе, но и всѣ, кто только могъ знать и слышать о немъ, дѣлались явными или тайными почитателями этой и другихъ синагогъ. Точно также и языческіе знахари и ворожеи нерѣдко пользовались своимъ искусствомъ для того, чтобы привлечь сочувствіе христіанъ къ языческой религіи. Такъ, когда замѣчено было, что многие изъ христіанъ стали оставлять языческія сборища въ честь дафнійскаго Аполлона, то ворожеи и знахари изъ язычниковъ хотѣли другимъ путемъ заставить христіанъ ходить къ развалинамъ Аполлонова капища. Совершивши ту или другую ворожбу надъ христіаниномъ, они въ заключеніе непременно совѣтывали ему сходить напиться воды изъ озера, находящагося около развалинъ упомянутаго храма, внушая при этомъ, что ворожба или заговоръ подѣйствуютъ только при исполненіи послѣдняго условія и что иначе испортится все дѣло. Такимъ образомъ и своя собственная память о прежней старинѣ со всѣми ея суевѣрными обычаями, и усилія со стороны язычниковъ и іудеевъ, не прямымъ, такъ окольнымъ путемъ старавшихся дѣйствовать въ интересахъ своихъ религій—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало положеніе антиохійскихъ христіанъ самымъ безвыходнымъ и само собою вызывало Златоуста на открытую и рѣшительную борьбу.

Первымъ дѣломъ его въ этомъ отношеніи было опроверженіе языческихъ и іудейскихъ заблужденій, для чего проповѣдникъ собралъ всѣ болѣе или менѣе сильные доводы, приводившіеся прежними защитниками христіанства противъ язычниковъ и іудеевъ, и, изложивъ эти доводы сильнымъ, понятнымъ и общедоступнымъ языкомъ, произнесъ съ церковной кафедры. Новаго въ этомъ случаѣ онъ хотя ничего не сказалъ, но за то мысли и доказательства,

доступныя прежде только не многимъ, сдѣлалъ достояніемъ всѣхъ антиохійскихъ христіанъ и такимъ образомъ далъ обществу возможность самому увидѣть съ одной стороны всю нелѣпость и всѣ смѣшныя стороны язычества съ его безнравственными обрядами, съ другой—совершенную неумѣстность іудейства при существованіи христіанства, упразднившаго собою и законъ и синагоги.

Но, если Златоустъ не былъ самостоятельнымъ въ опроверженіи языческихъ и іудейскихъ заблужденій и взялъ доводы у другихъ пастырей и апологетовъ, то въ мѣрахъ противъ суевѣрій и ворожбы пришлось ему быть вполне самостоятельнымъ уже потому, что не у кого было заимствоваться. Вопросъ о суевѣріяхъ и ворожбѣ не особенно интересовалъ предшествовавшихъ Златоусту пастырей восточной церкви, и вся дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ одного Кирилла Іерусалимскаго, ограничивалась одними простыми запрещеніями. Златоустъ первый отнесся къ этому вопросу съ надлежащимъ вниманіемъ. „Онъ видѣлъ“, говоритъ Неандеръ, „что въ большинствѣ случаевъ распространеніемъ примѣтъ и употребленіемъ разныхъ предохранительныхъ средствъ руководить не одна привычка и слѣпое подражаніе уже установившемуся обычаю, но гораздо болѣе этого—антихристіанскія понятія о судьбѣ, языческая вѣра въ фатализмъ и въ неопределимую силу демоническаго вліянія“. Эта вѣра вызвала со стороны Златоуста его знаменитое ученіе о свободѣ воли въ связи съ ученіемъ о Божественномъ провидѣніи, которое Златоустъ и противопоставилъ всѣмъ вообще суевѣріямъ. Кромѣ этой общей мѣры, Златоустъ разсматривалъ и опровергалъ и каждое изъ суевѣрій въ отдѣльности, показывая, какъ то или другое изъ нихъ несовмѣстимо съ понятіями христіанства, или-же какъ то или другое вредно въ житейскомъ отношеніи христіанъ. На послѣднее обстоятельство, т. е. на вредъ отъ суевѣрій для жизни и дѣятельности христіанъ, Златоустъ всегда обращалъ особенное вниманіе, потому что суевѣрія были дѣйствительно огромной помѣхой въ дѣйствіяхъ и величайшимъ зломъ въ житейскомъ

быту христіанъ. Вотъ что, напр., говоритъ проповѣдникъ о наблюденіи счастливыхъ и несчастливыхъ дней: „Кто убѣжденъ, что день бываетъ худъ или хорошъ, тотъ ни въ худой день не будетъ заниматься дѣломъ, думая что все тогда дѣлалъ-бы онъ напрасно и ни отъ чего не получилъ бы пользы по необходимому свойству дня, ни въ хорошій день опять не станетъ заниматься, думая, что собственное его нерадѣніе нисколько не повредитъ ему, по счастливому свойству дня; и такимъ образомъ считая труды свои то бесполезными, то излишними, будетъ жить постоянно въ бездѣйствіи“. Также точно отзывался Златоустъ и о вѣрѣ въ счастливыя и несчастливыя встрѣчи, прибавляя при этомъ, что вѣра во встрѣчи служитъ еще большимъ зломъ въ жизни и отношеніяхъ христіанъ между собою, такъ какъ часто бываетъ причиной совершенно напрасныхъ неудовольствій между ближними, заставляя ихъ враждебно смотрѣть другъ на друга изъ-за того только, что, по примѣтѣ, они не во время встрѣтились. — Иногда Златоустъ дѣйствовалъ противъ суевѣрій тѣмъ, что показывалъ настоящую причину ихъ происхожденія—именно указывалъ на различныя скрытыя побужденія, которыми руководились суевѣры, считая ту или другую примѣту доброй или худой. Напримѣръ то обстоятельство, что люди держащіеся суевѣрій признавали худымъ предзнаменованіемъ встрѣчу съ нищимъ, онъ объяснялъ безсердечнымъ нежеланіемъ помочь бѣдному человѣку, а въ исканіи встрѣчи съ блудницей видѣлъ внутреннюю развращенность гражданъ, которые, не желая явно позорить себя прямымъ отношеніемъ къ развратнымъ женщинамъ, ищутъ по крайней мѣрѣ случая полюбоваться ими. Нерѣдко проповѣдникъ, видя ту или другую смѣшную сторону суевѣрія, намѣренно преувеличивалъ её. Такъ, напримѣръ, тѣмъ, кто вѣрилъ въ предохранительную силу грязи отъ дурнаго глаза, онъ совѣтовалъ не только чело, но и всего младенца обмазывать грязью и даже употреблять это средство по отношенію къ взрослымъ, прибавляя, что грязь тогда была-бы болѣе дѣйствена и при томъ возбуждала бы „болѣе смѣха и забавы“. — Про-

тивъ вѣры во врачевную силу колдовства и заговоровъ Златоустъ обыкновенно говорилъ, что вѣра эта свойственна только язычникамъ, у которыхъ въ случаяхъ опасной болѣзни, неизлѣчимой никакими медицинскими средствами, нѣтъ другой надежды, кромѣ надежды на высшую силу демонической помощи, тогда какъ христіане въ таинствахъ елеосвященія и причащенія располагаютъ средствами, которыя могутъ врачевать всякія болѣзни. Но особенно любилъ проповѣдникъ предлагать христіанамъ, взамѣнъ заговоровъ, прибѣгать къ крестному знаменію, какъ средству самому легкому, и при томъ такому, за которымъ не нужно обращаться ни къ кому другому. У Златоуста встрѣчаются нерѣдко весьма обширныя, подробныя описанія тѣхъ великихъ дѣйствій, какія произвелъ въ мірѣ крестъ Христовъ, — описаній, сдѣланныхъ съ той именно цѣлью, чтобы поселить въ умахъ христіанъ убѣжденіе въ силѣ крестнаго знаменія и показать полное ничтожество сравнительно съ этимъ средствомъ „нашептываній и бабьихъ басенъ“, какъ называлъ обыкновенно Златоустъ заговоры. Какъ извѣстно, предлагая замѣнить заговоры крестнымъ знаменіемъ, проповѣдникъ встрѣтилъ себѣ возраженіе, что и знахари весьма многіе употребляютъ то-же самое средство при своихъ нашептываніяхъ. Но Златоустъ съ полной силой опровергъ это возраженіе, доказавъ, что знахари въ этомъ случаѣ хотятъ совмѣстить несовмѣстимое—силу Божію съ силой діавола, и совѣтывалъ бѣжать отъ такихъ знахарей даже болѣе, чѣмъ отъ тѣхъ, которые просто дѣйствуютъ одной демонической силой, потому что послѣдніе вредятъ только самимъ христіанамъ, между тѣмъ какъ тѣ, которые прикрываются именемъ Божіимъ или силою крестнаго знаменія, употребляютъ во зло самую святыню христіанъ, „дѣйствуя въ этомъ случаѣ по тайному внушенію дьявола, который, видя, что христіане оставили языческія капища, другимъ путемъ—повязками и бабьими баснями захотѣлъ заставить христіанъ совершать языческія дѣла“.

Другимъ, послѣ суевѣрій, зломъ, вызывавшимъ Златоуста еще на болѣе сильное противодѣйствіе себѣ, была

страсть антиохійскихъ гражданъ къ театральнымъ зрѣлищамъ и къ конскимъ ристалищамъ.

Скажемъ сначала о зрѣлищахъ перваго рода. При Златоустѣ театральныя зрѣлища были далеко уже не тѣмъ, чѣмъ они были въ прежнее время. Будучи первоначально установлены въ честь Діониса или Вақха—бога вина и веселья, и Аеродиты—богини плотскихъ наслажденій, они, какъ извѣстно, долгое загѣмъ время находились въ самой тѣсной связи съ поклоненіемъ этимъ двумъ божествамъ и составляли такимъ образомъ часть самой языческой религіи, такъ что нерѣдко и представлялись даже въ храмахъ упомянутыхъ божествъ или по крайней мѣрѣ послѣ совершенія Діонису и Аеродитѣ разнаго рода куреній и жертвоприношеній. Въ первые три вѣка христіанства, какъ видно изъ сочиненій Тертулліана, Кипріяна, Тагіана и др., сценическія представленія все еще находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ религіознымъ вѣрованіямъ и представленіямъ языческаго міра, и связь театра съ древнимъ культомъ почти нисколько не ослабѣвала. Вслѣдствіе этого проповѣдники и защитники христіанства первыхъ трехъ вѣковъ смотрѣли на театръ главнымъ образомъ съ религіозной точки зрѣнія, то есть преимущественно вооружались противъ него, какъ такого учрежденія, посредствомъ котораго поддерживалась вѣра въ языческихъ боговъ, и задерживались успѣхи христіанства.

Но съ того времени, какъ во главѣ имперіи стали лица, принявшія христіанство и потому переставшіе видѣть въ языческой религіи опору государству, связь театра съ древнимъ культомъ быстро порывается и театральныя зрѣлища перестаютъ быть вредными для христіанства въ религіозномъ отношеніи. Къ несчастію, съ этого-же времени, подъ вліяніемъ господствовавшей тогда въ греко-римскомъ мірѣ страсти къ чувственнымъ удовольствіямъ, общество начинаетъ требовать, чтобы театральное искусство было для него средствомъ для чувственнаго наслажденія. И вотъ, театръ, взамѣнъ прежняго религіознаго вреда христіанству, начинаетъ вредить ему въ нравственномъ отношеніи. Первоначальный театръ, какъ извѣстно, много

менѣ приносилъ вреда въ нравственномъ отношеніи благодаря тому, что рѣдко допускалъ къ игрѣ на сценѣ женщинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и драматическія представленія прежней сцены отличались болѣе серьезнымъ характеромъ. Такъ, кромѣ чисто-миѳологическихъ представленій, въ прежнемъ театрѣ, предъ глазами зрителей по большей части воспроизводились или первобытныя преданія родины съ болѣе или менѣе правдоподобными происшествіями изъ жизни древнихъ ея героевъ и властелиновъ, или замѣчательныя историческія событія съ тѣми или другими выдающимися политическими и общественными дѣятелями и т. под. Понятно, что при такихъ условіяхъ театръ могъ приносить прямую пользу для общества, если не въ нравственномъ, то по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что знакомилъ зрителей съ исторіей своего отечества и возбуждалъ въ нихъ патріотическія чувства. Но еще до пастырства Златоуста характеръ театральныхъ зрѣлищъ существенно измѣняется; на сценѣ въ качествѣ актрисъ и танцовщицъ появляется множество женщинъ и „серьезная драма вытѣсняется сладострастными сценами и соблазнительными пантомимами“, а еще болѣе того—сладострастными танцами. При Златоустѣ-же, театръ сдѣлался въ полномъ смыслѣ „школой разврата“ и такимъ мѣстомъ, гдѣ втапывалось въ грязь все дорогое и священное для порядочнаго человѣка: религія, добродѣтель, семейныя узы—все это подвергалось посмѣянію и поруганію на сценѣ, а объ общественномъ долгѣ не было и помина. Въ разыгрывавшихся на сценѣ драматическихъ произведеніяхъ этого времени нетолько не было ничего эстетическаго или сколько нибудь поучительнаго, но, какъ свидѣтельствуемъ Златоустъ, „говорилось только о прелюбодѣяніи“, а иногда дѣло доходило до того, что глазамъ зрителей представлялись отвратительныя сцены изъ жизни публичныхъ домовъ, со всей подробностью ихъ обстановки. Не лучше драматическихъ представленій были въ то время и такія „зрѣлища безстыдства“, какъ танцы и пантомимы, изъ которыхъ изгнано было все художественное и прекрасное и замѣнено „нескромностью,

отсутствіемъ цѣломудрія и всякаго приличія“ не только въ движеніяхъ, мимикѣ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, но и въ костюмировкѣ. Златоустъ свидѣтельствуесть, что на сценѣ нерѣдко являлись женщины почти совсѣмъ обнаженныя. Что касается лицъ, исполнявшихъ обязанности актеровъ, актрисъ, танцоровъ, танцовщицъ и т. под., то уже изъ того, что въ ихъ мнѣніи не было предосудительнымъ являться на сценѣ почти въ совершенно непокрытой наготѣ, исполнять самыя постыдныя и отвратительныя роли и безъ краски стыда въ лицѣ допускать самыя возмутительныя движенія,—уже изъ этого само собою очевидно, что всѣ они были люди самой низкой нравственности, „люди потерянные“, какъ выражался о нихъ Златоустъ. Такимъ образомъ характеръ театральныя зрѣлища—повторяемъ—ко времени Златоуста существенно измѣнился: почти безвредный въ религіозномъ отношеніи, театръ теперь сталъ крайне вреденъ по своему деморализующему вліянію на общество. Этимъ измѣненіемъ характера театральныя зрѣлища и объясняется то обстоятельство, что Златоустъ смотритъ на театръ уже не съ религіозной, какъ прежніе моралисты, а съ чисто нравственной точки зрѣнія, именно видитъ въ зрѣлищахъ главный и существенный источникъ нравственной порчи общества. При разсмотрѣніи тѣхъ мѣстъ твореній Златоуста (антіохійскаго періода), которыя направлены противъ театральныя зрѣлища, оказывается, что эти зрѣлища приносили нравственный вредъ обществу главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны они вредны были сами по себѣ непосредственно, то есть тѣмъ, что безнравственностью своихъ представленій развращали гражданъ, а вмѣстѣ съ ними и ихъ семейную и общественную жизнь, въ особенности-же молодую и еще неиспорченную жизнь юношей; съ другой стороны, по мнѣнію Златоуста, зрѣлища причиняли обществу громадное зло тѣмъ, что отвлекали гражданъ отъ училища и источника чистой нравственности, то есть отъ храма.

Въ развращающемъ дѣйствіи театральныхъ зрѣлищъ Златоустъ, лично знакомый съ ними, до такой степени былъ убѣжденъ, что никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы ктонибудь, разъ побывавши въ театрѣ, остался свободенъ отъ грѣха. „Развѣ тѣло твое камень? Развѣ оно желѣзо?“ говорилъ онъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда заходила рѣчь о вредѣ театральныхъ представленій для посѣтителей, показывая подобными вопросами, что никакой зритель по самой своей природѣ не огражденъ отъ дурного вліянія зрѣлищъ, потому что природа его не каменная и не желѣзная, а обыкновенная человѣческая природа, которая не можетъ не быть воспріимчивой ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, особенно такимъ заразительнымъ, какъ театральныя. Въ доказательство этой мысли Златоустъ указывалъ обыкновенно на подвижниковъ, которые, при всей своей нравственной высотѣ и при постоянной строгой бдительности надъ своими мыслями и желаніями, нерѣдко мгновенно падали въ самую бездну разврата отъ одного только взгляда случайно встрѣтившейся „полуодѣтой женщины“. Между тѣмъ въ театрѣ приходитъ зритель разсѣянный, и именно затѣмъ, чтобы получить впечатлѣніе, полюбоваться и поусладиться соблазнительными сценами. Къ тому-же обстановка и все другое въ театрѣ рассчитаны и направлены именно къ тому, чтобы разстроить воображеніе праздныхъ зрителей и посредствомъ разнаго рода „приманокъ и обольщеній сдѣлать сердца ихъ легко уловимыми для соблазна“. „Тамъ“, говорилъ Златоустъ, „и безчестныя женщины, и развратныя рѣчи, и блудныя пѣсни, и любострастный голосъ, и подкрашенныя брови и нарумяненныя щеки, тамъ наряды, подобранныя съ особеннымъ искусствомъ, поступь, исполненная очарованія, и многое другое“ гораздо худшее этого, такъ что Златоустъ не рѣшался даже и продолжать свое описаніе театральной обстановки, находя, что „надо быть или безстыднымъ, рассказывая обо всемъ, что тамъ находится и происходитъ, или молчать, краснѣя отъ стыда“. Подъ вліяніемъ такой чарующей обстановки, зритель, по мнѣнію Златоуста, естественно и неизбежно „долженъ

воспламеняясь огнемъ нечистой любви, сожигающимъ не тѣло, но — что гораздо хуже — разрушающимъ благосостояніе души и при томъ совершенно незамѣтно для заражаемаго, безъ чувства боли и даже при крикахъ радости“.—Особенно указывалъ Златоустъ на нравственный вредъ отъ театральныхъ представленийъ для молодыхъ юношей, „возрастъ которыхъ“, говорилъ онъ, „способенъ какъ елей, къ воспламенѣнію, а для подвиговъ цѣломудрія весьма слабъ“. Если еще въ прежнее время, когда театральныя зрѣлища имѣли болѣе серьезный характеръ, Киприанъ могъ говорить, что „присутствуя на театральныя представленіяхъ одни (взрослые) повторяютъ пороки, которые имъ извѣстны изъ домашней ихъ жизни, а другіе (юноши) учатся, какъ можно быть порочными“, то тѣмъ болѣе долженъ былъ опасаться за юношей Златоустъ, заставшій, какъ мы видѣли, театръ въ самомъ испорченномъ видѣ. Онъ съ большимъ, чѣмъ другіе моралисты, правомъ могъ сказать, что „юноши губили въ театрѣ свою молодость, отцы развращали дѣтей, матери бросали въ бездну разврата своихъ дочерей“, и не безъ основанія называть дѣтоубійцами тѣхъ родителей, которые водили въ театръ своихъ дѣтей, особнно въ самомъ началѣ невиннаго ихъ возраста. На молодыхъ людей безнравственная обстановка зрѣлищъ должна была дѣйствовать самымъ сильнымъ и неотразимымъ образомъ: будучи нравственно еще не испорчены, они знакомились въ театрѣ съ порокомъ, нарочито представлявшимся здѣсь не столько въ вредоносномъ, сколько въ чарующемъ видѣ, и такимъ образомъ у нихъ являлось желаніе собственнымъ опытомъ извѣдать то, что видѣли на сценѣ. Что въ юношахъ, вслѣдствіе живости воображенія и пылкости натуры, послѣ соблазнительнаго театральнаго представленія, „должна возгорѣться непреодолимая любодѣйная страсть“, это доказывалъ Златоустъ обыкновенно тѣмъ, что даже и опытный и благоразумный зритель не оставляетъ своего впечатлѣнія въ театрѣ, „но уходитъ и домой плѣненный и уязвленный“ до такой степени, что и здѣсь, у роднаго очага, въ кругу жены и дѣтей, не можетъ „отдѣлаться

отъ всѣхъ блудныхъ образовъ, навѣянныхъ на него театромъ. „Какъ скоро блудница“, говорилъ Златоустъ: „представитъ зрителямъ и одежду, и взоръ, и голосъ, и поступь, и все, что можетъ возбудить любострастіе, они выходятъ изъ театра, воспламененные страстію, и возвращаются домой уже плѣнниками“.—Это послѣднее обстоятельство, —то есть что впечатлѣніе отъ зрѣлища не прекращается съ окончаніемъ представленія, но настолько глубоко западаетъ въ душу зрителя, что со всей силой продолжаетъ владѣть имъ даже и тогда, когда онъ возвратится домой,—обыкновенно служило для Златоуста поводомъ подробно распространяться еще и о томъ, какъ посѣщеніе театра неблагопріятно отражается на домашней жизни гражданъ, внося въ ихъ семейныя и хозяйственныя отношенія „тысячу золъ“. Пагубному влиянію театра Златоустъ приписывалъ большую часть непріятныхъ домашнихъ сценъ между супругами, равно какъ ихъ небрежное отношеніе къ воспитанію дѣтей и дурное управленіе домою и хозяйствомъ. „Не отсюда-ли“ (то есть отъ посѣщенія театра), часто спрашивалъ Златоустъ, „раззоряются дома? Не отсюда-ли потеря цѣломудрія? Не отсюда-ли расторженія браковъ? Не отсюда-ли вражда и ссоры? Не отсюда-ли неудовольствія безъ всякихъ причинъ? Потому-что, когда ты возвращаешься домой, будучи исполненъ мыслями о ней (т. е. объ актрисѣ), то и жена твоя кажется тебѣ уже не столько хороша, и дѣти не милы, и слуги несносны, и домъ скученъ, и обыкновенныя попеченія о хозяйствѣ досадны: всякій, кто ни придетъ, для тебя скученъ и несносенъ. А причиною этому то, что ты приходишь домой не одинъ, но приводишь съ собою блудницу, не явно, не открито, что было-бы лучше, потому что жена тотчасъ выгнала-бы ее; но она находится у тебя въ мысляхъ и сердцѣ, и воспаляетъ вавилонскій, или еще сильнѣйшій, огонь внутри“.—Вредному дѣйствию театра Златоустъ приписывалъ множество безпорядковъ и нестроений и въ общественномъ быту. Не говоря уже о томъ, что театръ нравственно портилъ составъ общества, онъ вреденъ былъ, по мнѣнію Златоуста, уже тѣмъ, что

заставлялъ затрачивать на представленія огромныя суммы изъ общественныхъ доходовъ, отвлекалъ отъ службы и исполненія обязанностей общественныхъ дѣятелей, отнималъ у рабочихъ и мастеровыхъ людей время для занятія полезными обществу ремеслами, вытягивалъ у нихъ послѣднюю трудовую копѣйку и всѣмъ этимъ какъ замедлялъ теченіе общественныхъ дѣлъ, такъ равно разстраивалъ и матеріальное благосостояніе общества“.

Кромѣ того, Златоустъ возставалъ противъ театра, какъ мы сказали выше, еще и за то, что онъ отвлекалъ христіанъ отъ посѣщенія храма—этой воспитательной школы, гдѣ могли брать уроки чистой нравственности не только взрослые, но, что особенно было важно для Златоуста, и малые. Златоустъ, какъ мы прежде говорили, хотѣлъ произвести коренную перемѣну въ нравственной жизни всего общества и потому не думалъ ограничиться однимъ обличеніемъ взрослыхъ людей, но задался еще цѣлью воспитать на совершенно новыхъ началахъ молодое поколѣніе дѣтей, не успѣвшихъ еще во всей силѣ заразиться обычаями и привычками старой жизни, а для этой цѣли наученіе съ церковной кафедры казалось Златоусту не только самымъ лучшимъ и вѣрнымъ, но почти и единственнымъ въ то время, средствомъ, потому что ни школы того времени, проникнутыя древними традиціями, ни домашняя жизнь гражданъ, въ высшей степени грубая и суевѣрная, не могли быть для юнаго поколѣнія хорошей воспитательной средой. Такой средой могъ быть одинъ только храмъ. Въ немъ посредствомъ проповѣди Златоустъ хотѣлъ, на сколько возможно, перевоспитать старое и образовать новое поколѣнія. Между тѣмъ театръ какъ разъ стоялъ на дорогѣ къ задуманному Златоустомъ плану: „Эта школа разврата“ также хотѣла быть средоточіемъ общественнаго воспитанія, совершенно противоположнаго тому, какого хотѣлъ Златоустъ. Театръ въ самой основѣ разрушалъ то, что со всей настойчивостью и энергіей онъ созидалъ. „Я учу“, говорилъ онъ, „а театръ развращаетъ, я прилагаю лекарство къ болѣзни, а онъ болѣе ее растравляетъ“. Къ великому огорченію Златоуста,

театръ весьма часто бралъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми его стараніями, такъ что случалось, что когда гражданамъ предстоялъ выборъ между церковью и театромъ, то они большею частію склонялись въ пользу послѣдняго. Въ дни театральныхъ представлений, по свидѣтельству Златоуста, всѣ жители города, и малые, и взрослые, и даже старики, убѣленные сѣдинами, не чувствуя старческой немощи и боли въ ногахъ, на перерывъ другъ предъ другомъ, устремлялись въ театръ, такъ что въ церкви почти никого не было. „Театръ и портики полны, а домъ Божій пустъ“,— вотъ выраженіе, которое не одинъ и не два, а множество разъ слышалось въ устахъ Златоуста на церковной антиохійской кафедрѣ.— На сколько сильно было соперничество театра съ церковію во влияніи на общество и на сколько онъ бралъ перевѣсъ въ этомъ влияніи, видно уже изъ того, что когда посѣтители театра и бывали въ храмѣ, то вели себя здѣсь совершенно какъ на зрѣлищахъ. Златоустъ замѣчалъ въ слушателяхъ не только разсѣянность и отсутствіе благоговѣнія въ церкви, но и слышалъ постоянно громкій смѣхъ и разговоры, часто даже разговоры о томъ, что дѣлается на зрѣлищахъ. Мало того: онъ видѣлъ, что большая часть слушателей ходитъ въ церковь изъ одного эстетическаго наслажденія послушать краснорѣчиваго проповѣдника, то есть и въ церкви видитъ такое же мѣсто для развлеченія, какъ и въ театрѣ, и даже восторгъ свой краснорѣчивымъ проповѣдникамъ выражаетъ тѣми-же самыми знаками одобренія, какіе употребляются въ театрѣ, то есть посредствомъ рукоплесканій, нисколько не взирая ни на святость мѣста, ни на строгія обличенія проповѣдника, такъ что рукоплещеть даже на самое запрещеніе имъ рукоплесканій. Такимъ образомъ театральныя зрѣлища не только увлекали народъ изъ церкви, но и эту послѣднюю награждали обычаями театра. Понятно послѣ этого, почему Златоустъ, часто говоря о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ, всякій разъ противопоставлялъ церковь театру: онъ видѣлъ, что театръ, пріучая гражданъ безъ всякаго стѣсненія даже въ храмѣ обнаруживать свои дикія и грубыя наклонности,

вмѣстѣ съ тѣмъ притупляетъ въ нихъ всякую воспримчивость и расположеніе къ возвышеннымъ вліяніямъ церковной проповѣди, посредствомъ которой только и можно было преобразовать общество. „Возвращаясь съ зрѣлищъ“, говорилъ однажды Златоустъ: „вы и на церковь смогрите неприятно и слова проповѣдника о цѣломудріи слушаете неохотно, потому что слова эти служатъ для васъ осужденіемъ“.—Чтобы ослабить дурное вліяніе театральныхъ зрѣлищъ на успѣхъ своей проповѣднической дѣятельности и вообще охладить въ гражданахъ страсть къ театру, Златоустъ рѣшился показать имъ истинное значеніе театра. Не отвергая того, что театральныя представленія могутъ доставить и дѣйствительно доставляютъ удовольствіе развращенному вкусу зрителей, онъ старался показать, что это удовольствіе не только растворено вмѣстѣ съ тѣмъ ужаснымъ нравственнымъ вредомъ, но и содержитъ въ себѣ ядъ разнаго рода слѣдующихъ затѣмъ печальныхъ послѣдствій, не дающихъ театальному зрителю „ни днемъ, ни ночью покоя“ и являющихся „настоящимъ палачомъ для его душевнаго спокойствія“. Въ то же время проповѣдникъ указывалъ на полное ничтожество, мимолетность и бесплодность театральныхъ удовольствій сравнительно съ тѣми чистыми, возвышенными и спасительными вліяніями, какія христіанинъ можетъ получить въ храмѣ.

Что касается другого рода зрѣлищъ, то есть конскихъ ристалищъ, то и они не могли не возбудить противъ себя Златоуста. Правда, зрѣлища эти были невиннѣе, сравнительно съ зрѣлищами театра, потому что не могли имѣть такихъ предметовъ соблазна, какіе были на театральной сценѣ; тѣмъ не менѣе и они, съ точки зрѣнія высшей нравственности, должны были казаться далеко небезупречными. „Они не только вели къ пустословію и празднолюбію и вселяли въ душу разсѣянность, но и служили весьма часто причиною ссоръ, дракъ и даже убійствъ“. Предводители конскихъ ристалищъ дѣлились на партіи, домогались первенства надъ другими партіями, употребляли въ дѣло интригу, старались всячески вредить противоположной партіи, возбуждали въ народѣ постоян-

няя волненія и всѣмъ этимъ, если не прямо, то по крайней мѣрѣ косвеннымъ путемъ нравственно растлѣвали общество. При томъ, конскія ристалища, не менѣе театральныхъ представленій, отвлекали народъ отъ храма. За это послѣднее обстоятельство болѣе всего и вооружался противъ нихъ Златоустъ, дѣлая часто такія-же точно сопоставленія между удовольствіями храма и конскихъ бѣговъ, какія онъ дѣлалъ, когда возставалъ противъ театральныхъ зрѣлищъ. „Тамъ“ (т. е. на ристалищахъ) говорилъ онъ однажды: „дьявольское торжество, а въ храмѣ христіанскій праздникъ; тамъ веселятся бѣсы, а здѣсь ликуютъ ангелы; тамъ погибель душъ, а здѣсь спасеніе. И тамъ доставляется нѣкоторое удовольствіе, но не такое, какъ здѣсь. Что за удовольствіе смотрѣть на коней, бѣгающихъ тщетно и напрасно?“.

Вмѣстѣ съ страстію къ зрѣлищамъ въ жизни антиохійскаго общества широко развитъ былъ еще другой порокъ, встрѣтившій въ Златоустѣ такого-же неумолимаго обличителя и стоявшій, по мнѣнію послѣдняго, въ тѣсной связи съ зрѣлищами,—это именно страсть къ щегольству моднымъ и дорогимъ платьемъ и вообще ко всему тому, что Златоустъ обыкновенно называлъ „покупной красотой“. Какъ всегда бываетъ, такъ было и въ IV вѣкѣ, порокъ этотъ преобладалъ между женщинами. Впрочемъ, по свидѣтельству Златоуста, и мужчины весьма многіе тщательно заботились о покроѣ, изяществѣ и дороговизнѣ платья и обуви, о красотѣ лица, прическѣ волосъ и тому подобномъ, и „всѣмъ этимъ гордились болѣе, чѣмъ какойнибудь военачальникъ побѣдами“. Между нѣкоторыми изъ мужчинъ страсть эта развилась до того, что ради нея „они прибѣгали къ разнымъ безчестнымъ и унижительнымъ средствамъ: продавали себя, дѣлались шутами у богатыхъ и принимали на себя исполненіе другихъ, еще болѣе низкихъ, обязанностей“. Если такъ могла развиться страсть къ щегольству у мужчинъ, то между женщинами, особенно между тѣми, для которыхъ красота лица и наряды были единственнымъ средствомъ къ прельщенію мужчинъ, страсть эта, кажется, не имѣла себѣ границъ. Щеголь-

ство антиохійскихъ женщинъ роскошными и дорогими нарядами доходило, по словамъ Златоуста, просто „до безумія“ и въ конецъ разоряло самыхъ богатыхъ мужей. Знатныя и богатяя гражданки Антиохіи одѣвались въ самыя дорогія шелковыя и златотканныя одежды, вывезенныя непремѣнно изъ далекихъ странъ, испещренныя, по обычаю, самыми прихотливыми рисунками и усыпанныя, на сколько только было возможно, жемчугомъ, алмазами и другими драгоценными каменьями. Шея, руки и даже ноги этихъ женщинъ были обвѣшаны и обшиты золотомъ такъ, что оно служило для нихъ „едва выносимымъ бременемъ“, а въ уши вдѣвали серги до такой степени дорогія, что двухъ серегъ, вынутыхъ изъ ушей одной богатой женщины, „хватило бы, по словамъ Златоуста, „на прокормленіе нѣсколькихъ тысячъ бѣдняковъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ антиохійскія современницы Златоуста сорили огромными деньгами на покупку дорогихъ притираний, румянъ, бѣлилъ и т. под. и любили пошеголять париками съ модной прической и завивкой волосъ, что стоило также большихъ денегъ, потому что, какъ самыя парики были дорого куплены, такъ и прическа ихъ оплачивалась не дешево. Обличая такую чрезмѣрную роскошь и щегольство, Златоустъ имѣетъ въ виду тѣ побужденія, которыми руководятся (вообще) женщины при прикрасахъ и нарядахъ,— это именно: удивить однихъ и обольстить другихъ. Руководясь первымъ побужденіемъ, женщины, по мнѣнію Златоуста, жестоко ошибаются въ своемъ расчетѣ, потому что имъ приходится удивлять не тѣхъ, кого бы онѣ желали, т. е. не богатыхъ и знатныхъ людей, для которыхъ роскошные и щегольскіе наряды— вещи самыя обыкновенныя, а людей лишь бѣдныхъ, „какихъ нибудь каменьщиковъ, носильщиковъ, мелкихъ лавочниковъ“ и т. под., на которыхъ разряженныя женщины, конечно, менѣ всего рассчитываютъ и на которыхъ по большей части даже и смотрѣть не хотятъ. Очевидно, на этотъ разъ Златоустъ хотѣлъ пристыдить роскошествующихъ женщинъ и ихъ-же горделивымъ превозношеніемъ надъ бѣдными людьми,— надъ этими „каменьщиками и носильщиками“, воспользо-

ваться, какъ средствомъ для того, чтобы отучить ихъ отъ роскоши. Но особенно Златоустъ надѣялся затронуть самолюбіе этихъ женщинъ тогда, когда разбиралъ второе побужденіе. Онъ указывалъ на то, что они уподобляются блудницамъ, когда нарядами и подкрашиваніемъ лица стараются пріобрѣсти себѣ какъ можно болѣе поклонниковъ, потому что только блудницамъ свойственно желаніе нравиться многимъ мужчинамъ, цѣломудренныя-же жены стараются всегда нравиться только однимъ своимъ мужьямъ. И при томъ совершенно другими средствами, именно: хорошимъ попеченіемъ о домѣ и воспитаніемъ дѣтей, благочестіемъ, скромностію, цѣломудріемъ и вообще „душевною красотою, которая и болѣе плѣняетъ и никогда не прекращается, которую ни старость не разрушаетъ, ни болѣзнь не уничтожаетъ“. Эта послѣдняя красота „и некрасивую женщину дѣлаетъ благообразною“, между тѣмъ красота покупная всякую женщину дѣлаетъ „безобразной, срамной и постыдной“. Въ виду того, что щегольство заставляетъ человѣка останавливать все свое вниманіе только на себѣ самомъ, Златоустъ считалъ этотъ порокъ не только „величайшимъ нравственнымъ, но и религіознымъ зломъ“. По его мнѣнію, человѣкъ, преданный щегольству, и на религіозныя дѣла, напр., на церковную молитву, смотритъ только, какъ на средство „показать себя и свою внѣшность“. Въ молитвѣ такихъ людей Златоустъ видѣлъ одно только лицемѣріе и притворство. „Въ церковь“, говорилъ онъ, „приходятъ для того, чтобы просить, молиться о грѣхахъ своихъ, умолять Господа, чтобы склонить Его къ милосердію. Какъ-же ты (разодѣтая женщина) можешь вздохнуть? Какъ плакать? Какъ можешь усиленно молиться, будучи одѣта въ такой нарядъ? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смѣха для того, кто будетъ видѣть ихъ; потому что плачущей не слѣдуетъ носить золота. Ибо это есть лицемѣріе и притворство. И въ самомъ дѣлѣ, какъ-же это не лицемѣріе, когда та-же самая душа, отъ которой родилось и это великолѣпіе и тщеславіе, та-же самая, говорю, душа и слезы проливаетъ?“—Вмѣстѣ съ тѣмъ въ щегольствѣ Златоустъ видѣлъ величайшее зло и для се-

мейной жизни. Въ этомъ отношеніи онъ указывалъ прежде всего на то, что щегольство подрываетъ матеріальное благосостояніе семейства, такъ какъ служитъ причиной совершенно „излишнихъ и часто даже не благовременныхъ издержекъ“. Затѣмъ, какъ на неизбѣжное слѣдствіе излишняго мотовства, проповѣдникъ указывалъ на частыя ссоры между супругами, доходящія иногда до полнаго семейнаго разлада. „Жена“, говорилъ онъ: „постоянно заботящаяся объ украшеніяхъ, становится непріятной и даже ненавистной для мужа, какъ потому, что, требуя большихъ издержекъ, приводитъ въ стѣсненное положеніе его имѣніе, такъ и потому, что причиняетъ мужу много хлопотъ. Когда она будетъ постоянно требовать отъ него нарядовъ и золота, онъ будетъ убѣгать отъ нея, какъ отъ человѣка, пристающаго къ нему съ требованіями на торжищѣ“. Кромѣ того Златоустъ выставялъ на видъ еще подозрѣнія со стороны супруга; когда жена его наряжается для того, чтобы прельщать другихъ, подозрѣнія, порождающія ревность и уничтожающія одно изъ самыхъ существенныхъ и необходимыхъ условій для счастья супруговъ, именно взаимное довѣріе. Наконецъ, какъ на самый важный вредъ, происходящій отъ щегольства для семейной жизни, Златоустъ указываетъ на то, что при видѣ нарядовъ матери и ея стараній разными искусственными средствами понравиться другимъ, приучаются къ суетности и развращаются младшіе члены семейства, „любящіе поддѣлываться подъ нравъ взрослыхъ, и особенно дочери, котерымъ всего ближе и естественнѣе брать примѣръ въ своемъ поведеніи съ матери“. Вообще Златоустъ старался увѣрить пасомыхъ, что счастье между супругами было-бы прочнѣе, дѣти ихъ были-бы благовоспитаннѣе и доходы изобильнѣе, „если бы золото не лежало вокругъ тѣла женщинъ и не связывало ихъ рукъ, но употреблялось на необходимыя нужды: на содержаніе слугъ, на попеченіе о дѣтяхъ“ и т. под. Равнымъ образомъ проповѣдникъ доказывалъ, что и общественная жизнь, по удаленіи изъ семейной жизни щегольства, могла бы быть несравненно лучше, такъ какъ щегольство весьма часто ведетъ обще-

ственныхъ дѣятелей къ несправедливостямъ и служить для нихъ однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ лихоимству. При этомъ Златоустъ обыкновенно приводилъ въ примѣръ судей, которые, въ погонѣ за деньгами ради роскоши, нерѣдко обвиняютъ бѣднаго человѣка, одѣтаго въ рубище, хотя бы онъ былъ совершенно правъ, и въ то же время прикрываютъ явнаго негодяя потому только, что онъ располагаетъ въ свою пользу своей наружностью и своимъ богатствомъ, на счетъ котораго судья можетъ поживиться и нарядить себя, жену и дѣтей.

Щегольство модными и изысканными нарядами было не единственной роскошью антиохійскихъ гражданъ. Рядомъ съ этимъ щегольствомъ и такъ же сильно, какъ послѣднее, развита была между знатными и богатыми классами жителей Антиохіи еще страсть къ построению роскошныхъ зданій и къ пышной обстановкѣ ихъ. Для разныхъ временъ года у вельможъ и богачей города существовали особенные „дворцы“, устроенные и съ наружвой и съ внутренней своей стороны самымъ великолѣпнымъ и изысканнымъ образомъ. Множество домовъ на главной улицѣ города, называвшейся именемъ *λεωφόρος*, имѣли вызолоченныя крыши, съ карнизами самой изящной и причудливой архитектуры, и поражали зрителя многочисленностью и еще болѣе того величественностью своихъ колоннъ, образующавшихъ собою обширныя галереи по обѣимъ сторонамъ улицы и не прерывавшихся во всю ея длину, равнявшуюся 36 стадіямъ. Внутри домовъ блескъ и великолѣпіе были еще поразительнѣе. Стоитъ только указать на упоминаемые Златоустомъ золотые потолки, мозаичскія стѣны, мраморные полы, на множество разставленныхъ всюду мраморныхъ статуй, на вызолоченную мебель, на кровати изъ слоновой кости, на золотыя чаши для пищи и питья и, наконецъ, на то, что изъ серебра имѣлись сосуды для одного изъ самыхъ низкихъ употребленій, чтобы представить, насколько сильна была въ согражданахъ Златоуста страсть къ роскошной обстановкѣ. — Но богатые и знатные жители Антиохіи еще не ограничивались обстановкой своихъ „дворцовъ“ всевозможными

дорогими предметами. Страсть къ роскоши побуждала ихъ окружать себя еще многочисленной толпой слугъ, евнуховъ, шутовъ, льстецовъ, приживальщиковъ и приживалокъ разнаго рода, содержаніе которыхъ въ возможно большемъ количествѣ считалось какой-то необходимостью и стоило громаднхъ расходовъ, потому что тщеславіе заставляло и слугъ и проживавшихъ водить въ шелку и въ золотѣ. Мало того, даже на коней, при парадныхъ выѣздахъ господина или госпожи, надѣвалась золотая сбруя, убранная дорогими камнями.—Въ Златоустѣ и этотъ видъ роскоши встрѣтилъ такого-же сильнаго обличителя, какъ и роскошь въ одеждѣ. Часто, изобразивъ въ той или другой изъ своихъ проповѣдей роскошную обстановку богачей, ихъ хлопоты по устройству большихъ и изящныхъ домовъ, ихъ парадные выходы и выѣзды въ сопровожденіи толпы слугъ,—Златоустъ спрашивалъ: „Къ чему все это?“ и сводилъ рѣшеніе этого вопроса къ тому, что „все это излишне и бесполезно, и что богачи не могутъ представить рѣшительно „никакого разумнаго основанія и оправданія для такой безумной роскоши“. Такъ, однажды онъ говорилъ: „Каждый изъ людей имѣетъ какую нибудь цѣль и основаніе своей дѣятельности: земледѣлецъ, если потребовать отъ него отчета, скажетъ, для чего онъ запрягалъ воловъ, проводилъ борозды, тащилъ плугъ; купецъ скажетъ, для чего онъ вель корабль по морю, нанималъ работниковъ, тратилъ деньги;.... а ты, украшая ложе свое серебромъ, позлащая коня и камень, какую представишь причину? Какой скажешь предлогъ? Развѣ сонъ бываетъ пріятнѣе на такомъ ложѣ? Не можешь сказать этого. Зданіе развѣ дѣлается безопаснѣе отъ золота? Нѣтъ. Развѣ конь бываетъ лучше отъ такой узды? или слуга отъ такой одежды? Въ этомъ случаѣ бываетъ все напротивъ..... Къ чему-же это множество хлопотъ?“ Единственное основаніе, которое, по мнѣнію Златоуста, могутъ привести въ свое оправданіе люди, окружающіе себя пышностью, заключается въ томъ, что великолѣпіе домовъ и обстановки пріобрѣтаютъ имъ славу и похвалу у людей. Но „основаніе это пустое и ложное“, потому что „велико-

лѣпіе дома составляетъ славу самаго дома и архитектора, а не хозяина; великолѣпіе золотыхъ вещей—также похвала мастеру золотыхъ дѣлъ, а не тому, кто эти вещи имѣетъ“ и такъ далѣе. Правда, Златоустъ соглашался, что пышностью обстановки богачи могутъ пріобрѣсти себѣ извѣстность между людьми, но только извѣстность, по его мнѣнію, очень плохую. „Эти великолѣпные и обширные дома“, говорилъ онъ, „даже по смерти владѣльцевъ громко говорятъ противъ нихъ, какъ самые злые обвинители. Тѣло ихъ предано землѣ, но видъ зданій не позволяетъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣломъ была погребена память объ ихъ любостяжаніи; каждый проходящій, при взглядѣ на высоту и величіе обширнаго и великолѣпнаго дома, скажетъ себѣ или ближнему: сколько слезъ стоило построеніе этого дома? сколько ограблено сиротъ? сколько обижено вдовъ? сколько людей лишено платы? Такимъ образомъ даже по окончаніи жизни ты не избавишься отъ обвинителей: какъ мѣдная колонна, этотъ домъ будетъ передавать твое имя изъ потомства въ потомство и заставлятъ даже тѣхъ, которые не видѣли тебя при жизни, осыпать тебя безчисленными укоризнами“.

Вслѣдствіе того, что богачи и вельможи антиохійскіе окружали себя огромной толпой слугъ, приставниковъ и приставницъ разнаго рода, исполнявшихъ за своихъ господъ всѣ, какія только было возможно, обязанности,—у послѣднихъ, то есть у господъ, естественно оставалось слишкомъ много свободнаго, ничѣмъ не занятаго, времени, которое нужно было такъ или иначе убивать, чтобы избавиться отъ неизбѣжныхъ спутницъ праздности—скуки и тоски. Театральныхъ зрѣлищъ и конскихъ ристалищъ слишкомъ мало было для того, чтобы наполнить всю пустоту свободнаго времени, тѣмъ болѣе, что зрѣлища, какъ извѣстно, представлялись не каждый день. Приходилось, поэтому, прибѣгнуть еще къ какому нибудь новому роду удовольствій и развлеченій. И вотъ, благодаря такой необходимости, зараждается и получаетъ широкое развитіе въ обществѣ страсть къ третьему еще виду роскоши, именно къ роскошнымъ пиршествамъ. По описанію Златоуста,

вся жизнь богатыхъ и знатныхъ гражданъ Антиохіи была какимъ-то веселымъ и шумнымъ пиромъ, продолжавшимся изо-дня въ день почти безъ всякихъ перерывовъ. Весьма многіе изъ гражданъ настолько были преданы сластолюбію, что каждый день, съ ранняго утра и до поздней ночи, только и знали, что хорошо пили и сладко ѣли, а въ промежутки то отдыхали, то дѣлали приготовленія къ слѣдующему дню, истощая всѣ силы своего изобрѣтательнаго ума и запасы кошелька на устройство новыхъ, еще болѣе изысканныхъ, пиршествъ, съ новыми, гораздо лучшими яствами и напитками. Оуждая вообще такое безумное препровожденіе времени въ гражданахъ, Златоустъ особенно возставалъ противъ двухъ самыхъ крайнихъ проявленій сладострастной жизни—именно противъ чрезмѣрнаго пресыщенія и чрезмѣрнаго пьянства. Златоустъ старался показать прежде всего слушателямъ, что пресыщеніе и чрезмѣрное пьянство вовсе не доставляютъ человѣку удовольствія. „Пища“, говорилъ онъ, „бываетъ пріятна только тогда, когда въ ней есть потребность, а вино, употребленное чрезъ мѣру, не можетъ быть пріятнымъ уже потому, что въ состояніи опьянѣнія человѣкъ лишается не только вкуса, но и сознанія, и такимъ образомъ одновременно теряетъ и способность наслаждаться, и способность различать, что для него пріятно и что нѣтъ“. Мало того, пресыщеніе и пьянство, по мнѣнію Златоуста, вмѣсто удовольствія, причиняютъ человѣку большія огорченія и сами по себѣ, какъ излишнее бремя, и по своимъ дурнымъ послѣдствіямъ для здоровья. Пресыщенію онъ прямо приписываетъ нѣкоторыя болѣзни, которыми страдали граждане, напр.: „боли въ ногахъ, въ головѣ, въ глазахъ, въ рукахъ, дрожаніе всего тѣла, желтуху, продолжительныя и острыя горячки и многія другія болѣзни, даже ударъ“. А о вредѣ пьянства для здоровья онъ не считалъ нужнымъ даже и говорить, потому что вредъ вина въ этомъ отношеніи слишкомъ очевиденъ для всякаго уже изъ того обстоятельства, что въ состояніи опьянѣнія человѣкъ „теряетъ равновѣсіе и при паденіи получаетъ жестокіе ушибы, вслѣдствіе которыхъ нерѣдко дѣлается

увѣчнымъ и несчастнымъ на всю жизнь, а иногда удовольствіе отъ питья оплачивается и цѣной самой жизни“. Говоря о вредѣ пресыщенія для здоровья, Златоустъ обыкновенно сравнивалъ человѣческій желудокъ съ жерновомъ и при этомъ дѣлалъ оригинальное, но совершенно вѣрное, объясненіе, почему именно употребленіе излишней пищи отзывается дурными послѣдствіями для здоровья. „Богъ“, говорилъ проповѣдникъ: „далъ намъ чрево, какъ бы какую мельницу, сообщилъ ему соразмѣрную силу и назначилъ опредѣленную мѣру, сколько оно должно перемолоть въ каждый день. Поэтому, если кто положитъ въ него болѣе надлежащаго, то оставшееся непередѣланнымъ и причиняетъ вредъ всему тѣлу“. Въ числѣ мѣръ, какія употреблялъ Златоустъ противъ разсматриваемыхъ нами пороковъ, особенно замѣчательны живыя и каргинныя изображенія людей, находящихся въ состояніи крайняго опьяненія и пресыщенія,—изображенія, въ которыхъ пресытившіеся въ одно и тоже время являются и людьми безконечно жалкими, незнающими себѣ, ни днемъ, ни ночью, покоя, и вмѣстѣ смѣшными по своей неповоротливости, а пьяницы представляются въ такомъ ужасномъ и грязномъ видѣ, что невольно возбуждаютъ отвращеніе къ своему безобразію. „Когда роскошествующіе встанутъ изъ-за стола“, говоритъ Златоустъ, изображая состояніе людей пресытившихся, „то послѣдуй за ними, и ты увидишь, что они болѣе походятъ на скотовъ и безсловесныхъ животныхъ, нежели на людей. Ты увидишь, какъ они страдаютъ головокруженіемъ, расслабленіемъ и неповоротливостью, нуждаются въ ложѣ и глубокой тишинѣ; мечутся, какъ бы во время сильнаго волненія, требуютъ помощи другихъ и желаютъ придти въ то состояніе, въ которомъ были прежде, нежели насытились. Они ходятъ, подобно беременнымъ женщинамъ, съ отягченнымъ чревомъ, едва переступаютъ, едва видятъ, едва говорятъ. и все едва дѣлаютъ. Всю ночь они проводятъ въ бессонницѣ и, не смотря на множество ухищреній, не вкушаютъ пріятнаго сна. Если-жъ имъ и случится заснуть, то имъ видятся нелѣпые сны и бессмысленныя грезы“. — Что ка-

сается изображенія состоянія людей упивающихся, то въ этихъ изображеніяхъ Златоустъ обыкновенно показывалъ, какъ „упивающіеся постоянно теряютъ сознаніе, забываютъ всякій стыдъ и приличіе, развязываютъ свой невоздержный языкъ и безъ разбора извергаютъ изъ устъ все, что взбредетъ въ ихъ шальные головы, не зная, что приберечь, и что издержать“; какъ затѣмъ, „качаясь, они бродятъ съ мѣста на мѣсто, ругаются, скрежещутъ зубами и съ яростью кидаются на окружающихъ, или же сидятъ подобно неподвижнымъ истуканамъ, которые очи имѣютъ и не видятъ, уши имѣютъ и не слышатъ“, и какъ, наконецъ, „лишенные опоры и равновѣсія, они, кружась, падаютъ, извращаютъ глазные зрачки, извергаютъ нечистую слюну, багровѣютъ“ и т. д. Вообще, при изображеніи состоянія пресытившихся и упившихся людей, Златоустъ не стѣснялся никакими подробностями. И нужно думать, что такой способъ обличенія былъ одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для пресѣченія страсти къ чревоугодію и пьянству, особенно если принять при этомъ во вниманіе характеръ слушателей Златоуста. Послѣдній хорошо зналъ какъ природныя, такъ и заимствованныя отъ азіатовъ, свойства своихъ согражданъ-грековъ, и на эти именно свойства, кажется, болѣе всего и рассчитывалъ, когда рисовалъ мрачныя картины пьянства и изображалъ жалкое положеніе роскошествующихъ чревоугодниковъ. Извѣстно, что грекъ, живой и подвижной по своей натурѣ, очень высоко цѣнилъ легкость и граціозность движеній и всегда искренно презиралъ неуклюжесть и неповоротливость. Указывая на послѣднюю, какъ на слѣдствіе пресыщенія, и употребляя при этомъ яркія изображенія печальнаго состоянія объѣдающихся людей, Златоустъ хотѣлъ на этотъ разъ случайно разившейся и въ сущности не свойственной греку страсти къ чревоугодію противопоставить чисто природную склонность грека къ легкости и изяществу тѣлесныхъ движеній.—Тоже самое, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ сказать и о постоянно дѣлаемыхъ Златоустомъ указаніяхъ на то, что излишняя пища, въ особенности изысканная, расслабляетъ тѣлесный

организмъ. Для грека, измыслившаго въ свое время цѣлую систему искусственныхъ средствъ для развитія своихъ физическихъ силъ и нерѣдко доводившаго ихъ, путемъ гимнастическихъ упражненій, до размѣровъ силъ атлетовъ, крѣпость тѣла всегда была предметомъ глубокаго уваженія.—Не менѣе хорошо Златоустъ зналъ и то, что современные ему антиохійскіе греки, потомки македонскихъ выходцевъ, давно уже успѣли усвоить себѣ страсть къ восточной азіатской нѣгѣ, не терпѣвшей и избѣгавшей всего непріятнаго,—и вотъ онъ пользуется этимъ отличительнымъ свойствомъ своихъ согражданъ для того, чтобы отучить ихъ отъ чревоугодія и изображаетъ имъ въ живыхъ и наглядныхъ чертахъ мучительное состояніе одышки и бессонницы,—неизбѣжныхъ слѣдствій пресыщенія, которыми нарушается всякій покой и благосостояніе человѣка, даже и не такого требовательнаго, какъ изнѣженный восточною жизнію антиохійскій грекъ.—Что касается, наконецъ, картинныхъ изображеній пьянства, то и ихъ, по нашему мнѣнію, Златоустъ употреблялъ въ той именно увѣренности или по крайней мѣрѣ надеждѣ, что на грека, питавшаго искреннюю любовь къ прекрасной внѣшности и не менѣе искреннее отвращеніе ко всему грязному и безобразному, такіа изображенія должны дѣйствовать всего сильнѣе и неотразимѣе.

Между обличеніями, направленными Златоустомъ противъ пресыщенія и пьянства, весьма часто встрѣчаются обличенія противъ свадебныхъ пиршествъ. Въ виду того, что Златоустъ указывалъ въ этихъ пиршествахъ одну изъ главныхъ причинъ развращенности антиохійскихъ женщинъ, не лишне будетъ, на основаніи его твореній, сказать нѣсколько словъ о томъ, при какой обстановкѣ совершалось тогда заключеніе браковъ и какимъ образомъ брачные пиры могли такъ дурно отзываться на нравственности антиохіянкокъ. По свидѣтельству Златоуста, дѣвица въ антиохійскомъ семействѣ, какъ и всегда было у грековъ, заключена была въ уединенномъ гинекеѣ и воспитывалась въ совершенномъ невѣденіи дѣйствительной жизни. Только бракъ вводилъ ее въ дѣйствительный

круговоротъ жизни, но, къ несчастію, съ перваго-же раза знакомилъ ее со всѣмъ, что только было низкаго и порочнаго въ житейскомъ быту. Въ день, такъ называемыхъ, смотринь, дѣвица изъ тихаго своего затворничества вдругъ попадала въ шумное общество родныхъ и знакомыхъ ея будущаго мужа, „тщеславно разодѣтыхъ въ роскошные наряды и одурѣвшихъ отъ пьянства“, и если удостоивалась чести быть признанной невѣстой этимъ пьянымъ обществомъ, то принуждена была совершенно отбросить всякій стыдъ, чтобы видѣть всѣ грязныя сцены, которыми исполнены были брачныя пиршества, и слышать самыя возмутительныя пѣсни нанятыхъ скомороховъ.—Убийственнѣе всего должны были дѣйствовать на нравственныя чувства невѣсты проводы ея въ домъ жениха. Ее вели къ ея будущему супругу самымъ торжественнымъ, но въ то же время исполненнымъ многихъ безнравственностей образомъ. Ее сопровождали не только родные и знакомые, но и всѣ, кому только была охота „позѣвать“ на зрѣлище, поострить на счетъ красоты ея лица и другихъ тѣлесныхъ прелестей. Плоскія шутки и намеки на супружескія отношенія, безнравственныя пѣсни, распѣвавшіяся подъ звуки трубъ и флейтъ, соблазнительныя пляски, исполнявшіяся приглашенными на пиръ танцовщицами, которыя обычно набирались изъ публичныхъ женщинъ,—всѣ это должна была увидѣть и выслушать невѣста, прежде чѣмъ переступить порогъ дома своего жениха. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ оставленіемъ терема и стѣнъ отцовскаго дома, заслонявшихъ отъ ея ушей „всѣ пошлости“ жизни, „вмѣстѣ съ снятіемъ дѣвическаго покрывала и, такъ сказать, съ первымъ взглядомъ на дѣйствительный міръ Божій, невѣста знакомилась лишь съ тѣмъ, что только было худаго въ жизни“ и что сразу лишало ее прежней скромности и невинности, „ввергая въ самую бездну разврата“. „Пьянство, безстыдство, дерзость, расточительность и роскошь“—вотъ первое впечатлѣніе невѣсты, при первомъ-же вступленіи ея на поприще дѣйствительной и болѣе или менѣе самостоятельной жизни. „И послѣ этого“, говорилъ Златоустъ, „ты спрашиваешь: отчего бываетъ распутство, отчего пре-

любодѣяніе, отчего расторженіе браковъ? Какой добрый урокъ цѣломудрія получить невѣста, видя и слыша все это?... Она, всегда пребывавшая во внутреннемъ покоѣ и научившаяся стыдливости съ дѣтскаго возраста, вдругъ принуждается оставить всякій стыдъ, въ началѣ брака научается безстыдству и выводится на средину въ кругъ людей безчестныхъ и безнравственныхъ, блудниковъ и развратниковъ. Какое зло не посѣтся въ душѣ невѣсты съ того дня? ибо она захочетъ проводить такъ же и всѣ будущіе дни. Оттого бываютъ жены небережливия и расточительныя; оттого въ нихъ не достаетъ скромности; оттого въ нихъ безчисленное множество золь“.

Театръ, дорогіе наряды, роскошная обстановка, пышныя и изысканныя пиршества и вообще неумѣренное удовлетвореніе необузданной потребности къ удовольствіямъ жизни, — все это очевидно требовало большихъ денегъ, которыя нужно было такъ или иначе постоянно добывать, чтобы имѣть возможность постоянно расточать. И вотъ, вслѣдствіе этого, между современными Златоусту богатыми и знатными жителями Антиохіи до того развилась страсть къ наживѣ, что многіе изъ нихъ „какъ хищныя звѣри на добычу, съ жадностію бросались на деньги“. Честь, совѣсть, красота, долгъ, правосудіе, однимъ словомъ все безъ разбора продавалось за деньги и приносилось въ жертву страсти къ удовольствіямъ. „Добродѣтель нестяжанія“, говоритъ Златоустъ, „стала въ наше время повидимому невозможною и даже не вѣрится, чтобы кто-нибудь ей слѣдовалъ“. Его глубоко возмущала эта погоня за наживой и постоянно вызывала на самыя сильныя противодѣйствія. Большинство антиохійскихъ проповѣдей Златоуста, и особенно извѣстныя проповѣди о богатомъ и Лазарѣ, исполнены самыхъ рѣзкихъ обличеній сребролюбія богатыхъ и знатныхъ классовъ общества. Прямая и честная душа Златоуста побуждала его иногда даже въ лицо называть вельможъ и богачей „звѣрями и грабителями“, а свой родной и горячо любимый городъ — „Вавилономъ“, ради хищничества этихъ людей.

Но особенно не могъ сносить Златоустъ самаго крайняго проявленія страсти къ наживѣ, именно скряжничества. Наряду съ богачами, добывавшими себѣ всѣми неправдами денегъ для удовольствій, въ Антиохіи, по описанію Златоуста, нерѣдко встрѣчались и такіе богачи, которые старались увеличивать свое огромное богатство вовсе не для того, чтобы съ большимъ удобствомъ обставить свою жизнь и имѣть возможность удовлетворять своимъ порочнымъ страстямъ, а единственно для того, „чтобы насчитать у себя побольше золота“. Видя въ приобрѣтенномъ богатствѣ какую-то святыню, они „поклонялись ему, какъ поклоняются язычники идолу“, тщательно охраняли его „какъ какіе-нибудь стражи или псы, за твердыми дверями и крѣпкими запорами“, и не смѣли прикоснуться къ нему, „живя хуже бѣдныхъ и голодая до изнуренія силъ“, между тѣмъ какъ житницы ихъ ломились отъ изобилія хлѣба, а погреба едва могли вмѣстить огромное количество бочекъ съ виномъ. Нечего и говорить о томъ, что такіе люди никогда не помогали бѣднымъ. По словамъ Златоуста, „они лучше выливали на землю цѣлья бочки вина, чѣмъ давали хотя бы одну чашу нищимъ, лучше высыпали въ рѣку цѣлья житницы хлѣба, чѣмъ удѣляли хотя бы одинъ кусокъ алчущимъ; лучше зарывали богатство въ землю, нежели давали хотя бы одну монету нуждающимся“. Изъ проповѣдей Златоуста не видно, къ какому изъ трехъ племенъ, составлявшихъ собою населеніе Антиохіи, принадлежали подобные скряги, почти не пользовавшіеся плодами своихъ приобрѣтеній и не дѣлившіеся ими ни съ кѣмъ другимъ. Трудно предположить, чтобъ подобными скрягами могли быть легкомысленные греки, съ ихъ всегдашней и, можно сказать, поголовной страстью къ удовольствіямъ жизни. Еще труднѣе видѣть въ изображаемыхъ Златоустомъ скрягахъ сирійцевъ, съ ихъ неизмѣннымъ добродушіемъ, тѣмъ болѣе, что сирійцы составляли въ Антиохіи бѣдный, чернорабочій классъ населенія. Вѣроятно, обличаемые Златоустомъ скряги принадлежали къ числу христіанъ изъ іудейскаго племени, которое дѣйствительно всегда любило и любитъ

приобрѣтеніе ради самаго приобрѣтенія и особенно деньги ради денегъ, а не ради тѣхъ удобствъ, какія онѣ доставляютъ въ жизни. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, известно одно, что скрягъ въ Антиохіи было „много“, и при томъ самыхъ закоренѣлыхъ. Златоустъ не находилъ словъ и сравненій для того, чтобы вполне выразить хищничество и сребролюбіе этихъ людей. „Волки и медвѣди“, говорилъ онъ, „какъ бы ни были хищны и жадны, все же знаютъ мѣру своимъ страстямъ, а эти сребролюбцы все желаютъ большаго и большаго: если приобрѣли сто талантовъ, жалѣютъ, что не тысячу, если приобрѣли тысячу талантовъ, жалѣютъ, что не десять тысячъ“ и такъ далѣе. — Какъ противъ пьянства и пресыщенія, такъ и въ данномъ случаѣ, противъ скряжничества, самымъ лучшимъ средствомъ въ рукахъ Златоуста, вмѣстѣ съ рѣзкими и сильными обличеніями, были яркія изображенія порока. Чтобы возбудить въ скрягахъ отвращеніе къ страсти сребролюбія, Златоустъ часто прибѣгалъ къ картиннымъ описаніямъ того мучительнаго состоянія, которое постоянно испытываютъ скряги и которое, по мѣрѣ накопленія богатства, все болѣе и болѣе усиливается, „мучитъ и терзаетъ ихъ, какъ лютой и хищной звѣрь, или жестокой тиранъ, ни днемъ, ни ночью не давая покоя, и то поджигаетъ къ большому и большому приобрѣтенію, то возбуждаетъ опасеніе за цѣлость и сохранность уже накопленнаго. При этомъ Златоустъ нерѣдко указывалъ и на жалкое положеніе скрягъ между другими людьми, положеніе еще болѣе увеличивающее тѣ жестокия внутреннія страданія, которыя переживаетъ каждый скряга въ своей душѣ. Въ то время, какъ самъ скряга смотритъ на всѣхъ окружающихъ враждебно, видя въ однихъ свою добычу, а въ другихъ хищниковъ, которые каждую минуту готовы выхватить у него награбленное богатство, въ это время всѣ знающіе его, какъ закоренѣлаго скупца и богача, въ свою очередь питаютъ къ нему не менѣе враждебныя чувства, — одни потому, что ограблены имъ, другіе изъ опасенія какъ-нибудь попасться въ его руки и быть ограбленными, третьи изъ состраданія къ ограбленнымъ, четвертые, та-

кіе же хищные, какъ и онъ, по зависти къ его богатству и по негодованію на то, что сами не могутъ ограбить его, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, терзаемый внутри своею страстію, скряга не находитъ себѣ успокоенія и въ окружающей его средѣ; у него нѣтъ ни друзей, ни знакомыхъ, ни родныхъ, а существуютъ одни только враги, постоянно заставляющіе его трепетать за себя и за свои богатства. Благодаря всему этому, Златоустъ представлялъ положеніе скрягы до такой степени ужаснымъ и невыносимымъ, что могъ сравнить его только съ адскимъ состояніемъ. „Эти корыстолюбцы, говорилъ онъ, мучатся непрестанно подобно богачу, просившему каплю воды и не получившему ея; душа ихъ горитъ въ огнѣ даже болѣе его души, такъ что, если бы не было ни геенны, ни будущаго наказанія, то въ самой настоящей жизни для нихъ—величайшее наказаніе: постоянно страдать и не видѣть конца своимъ страданіямъ“.

Вооружаясь противъ страсти къ наживѣ, въ какомъ бы видѣ эта страсть ни проявлялась,—въ видѣ ли безцѣльнаго скряжничества, или въ видѣ пріобрѣтенія, имѣвшаго цѣлю удовольствіе,—Златоустъ всегда старался не только о томъ, чтобы отучить сребролюбцевъ отъ ихъ порочной страсти, но и о томъ, главнымъ образомъ, чтобы защитить отъ ихъ хищничества бѣдный народъ, на счетъ котораго нажива обыкновенно производилась. Златоустъ всегда питалъ горячую любовь къ простому бѣдному народу, не потому, чтобы этотъ народъ заслуживалъ его любовь по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, а болѣе изъ состраданія къ его жалкому положенію. Во времена Златоуста простой народъ страшно обремененъ былъ непосильными налогами, въ то время какъ имѣлъ самый скудный заработокъ, а иногда даже и вовсе принужденъ былъ сидѣть безъ дѣла, и слѣдовательно безъ куска хлѣба, потому что большая часть работъ производилась рабами. Кромѣ того ему приходилось терпѣть самыя жестокія несправедливости отъ всѣхъ, кто только могъ его притѣснять, начиная отъ самаго важнаго сановника и крупнаго богача, до самыхъ мелкихъ чиновниковъ. Матеріальное

бѣдствіе народа, бывшаго жертвой всевозможнаго лихонимства—вотъ что главнымъ образомъ побуждало Златоуста любить этотъ народъ и быть его горячимъ защитникомъ противъ высшихъ и богатыхъ классовъ общества. Во все время своего пастырскаго служенія Златоустъ стоялъ на сторонѣ несчастныхъ и бѣдныхъ людей и такъ сочувствовалъ имъ, что рѣдко даже обличалъ ихъ въ порокахъ. Обыкновенно вину за грѣхи народа Златоустъ слагалъ на высшіе классы общества, а самому народу, ради его угнетенія, готовъ былъ простить все. Особенно въ немъ возбуждали участіе такіе бѣдняки, которые не имѣли ни одежды, ни пріюта, ни куска хлѣба и жили на счетъ подаянія. При Златоустѣ бѣдняковъ этого рода было въ Антиохіи до 20 тысячъ. Существованіе такого огромнаго количества нищихъ рядомъ съ изысканной роскошью богатыхъ и знатныхъ классовъ антиохійскаго общества, было самымъ возмутительнымъ явленіемъ въ жизни послѣдняго, тѣмъ болѣе, что богачи и вельможи, такъ или иначе доведшіе этихъ людей до безпомощнаго состоянія, были къ нимъ настолько жестоки, что отвергали ихъ даже въ томъ случаѣ, когда они просили себѣ одинъ только кусокъ хлѣба для утоленія голода, или худой лоскутъ изношеннаго платья для прикрытія наготы, или даже одного пріюта для ночлега, хотя бы даже и на дворѣ. Въ виду всего этого, Златоустъ рѣшился во что бы то ни стало помочь бѣдному нищенствующему народу и, какъ только сдѣлался пастыремъ, началъ постоянно говорить о благотвореніи, убѣждая богачей быть милостивыми къ бѣднымъ. Онъ часто признавался, что желалъ бы говорить объ одномъ благотвореніи, если бы не отвлекала его борьба съ разными пороками общества. Случалось, по этому, что онъ произносилъ проповѣдь о какомънибудь предметѣ, совершенно не имѣвшемъ никакого отношенія къ бѣдности, и однако-жъ, не смотря на это, незамѣтно для слушателей склонялъ рѣчь къ вопросу о бѣдныхъ и заговаривалъ о милостынѣ—своемъ любимомъ предметѣ, о которомъ онъ говорилъ всегда такъ живо, страстно и увлекательно, что изъ всѣхъ его пропо-

вѣдей и изъ всѣхъ мѣстъ въ его проповѣдяхъ самыми лучшими оказываются именно тѣ, гдѣ рѣчь идетъ о благотворительности. Какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, на помощь Златоусту являлось прежде всего его искусство трогать слушателей живыми и наглядными изображеніями предмета. Но нигдѣ такое искусство не достигало у него такой высокой степени и силы, какъ именно въ проповѣдяхъ о благотвореніи. Ни у одного изъ христіанскихъ проповѣдниковъ, когда либо говорившихъ въ защиту бѣдности, нельзя встрѣтить лучшаго и болѣе трогательнаго описанія жалкой участи нищихъ, какое мы находимъ у Златоуста. Въ самомъ дѣлѣ, трудно нарисовать картину бѣдности, болѣе поразительную, чѣмъ напр. слѣдующая. „Ты бѣжишь къ готовому столу“, говорилъ однажды Златоустъ, объясняя, почему нищіе вечеромъ бываютъ особенно назойливы и почему прибѣгаютъ иногда къ возмутительнымъ средствамъ для того, чтобы возбудить къ себѣ состраданельность: „ты бѣжишь къ готовому столу и не можешь потерпѣть немного, а бѣдный стоитъ до самаго вечера, стараясь и усиливаясь собрать насущный хлѣбъ; и видя, что день уже окончился, а денегъ еще не собрано столько, сколько нужно на насущный хлѣбъ, горюетъ и разжигается и вынуждается дѣлать то, что выше силъ его. Вотъ почему нищіе вечеромъ налегаютъ на насъ сильнѣе, — клянутся, божатся, плачутъ, рыдаютъ, протягиваютъ руки, и поневолѣ дѣлаютъ безъ стыда весьма многое другое. При наступленіи ночи бѣдняга бродитъ по площадямъ и всѣмъ переулкамъ, недоумѣвая и незная, какъ провести ему ночь. И можетъ-ли онъ спать, когда чрево его прогоняетъ его сонъ, терзаясь мучительнымъ голодомъ, когда наступаетъ холодъ и идетъ дождь. Ты, вымывшись въ банѣ, одекаешься въ мягкія одежды, возвращаешься съ радостію и веселіемъ домой, поспѣвая къ приготовленному роскошному ужину, а онъ, непрестанно гонимый холодомъ и голодомъ, ходитъ по всѣмъ площадямъ съ поникшей головою, протягивая руки и даже отъ страха не смѣя напомнить сытому и покояющемуся о необходимой пищѣ, а часто и отходить осы-

паемый укоризами.... Подобно псамъ, онъ ходитъ по переулкамъ въ мракѣ и грязи и возвращается оттуда часто не домой, не къ женѣ, не на ложе, а на кучу сѣна, подобно псамъ лающимъ во всю ночь и, лежа въ рублищѣ на сѣнѣ и въ грязи, переноситъ страшный холодъ.... Но все это насъ не трогаетъ. И вотъ, чтобы тронуть наше безчувствіе, нѣкоторые принуждены бываютъ ослѣплять малолѣтнихъ дѣтей. Такъ какъ, скитаясь зрячими и обнаженными, они не могли привлечь вниманія жестокосердыхъ ни нѣжностію возраста, ни несчастіемъ, то присоединили къ своимъ бѣдствіямъ еще другое плачевнѣйшее бѣдствіе для утоленія голода, находя болѣе легкимъ лишиться общаго свѣта и дарованныхъ всѣмъ лучей солнечныхъ, нежели непрестанно бороться съ голодомъ и подвергаться самой жалкой смерти.... Есть бѣдные, легкомысленные и малодушные, которые не могутъ переносить голода и готовы терпѣть все другое, кромѣ этого. Они, неоднократно пристуная къ вамъ съ жалкимъ видомъ, и жалобными словами, но не получивъ никакой помощи, наконецъ оставляютъ просьбу и прибѣгають къ хитростямъ не хуже кудесниковъ: одни жуютъ кожи изношенной обуви, другіе вбиваютъ въ голову острые гвозди, иные ложатся на лёдъ обнаженнымъ чревомъ, а иные подвергаютъ себя еще болѣе нелѣпымъ мученіямъ, дабы представить жалкое зрѣлище“. Въмѣстѣ съ подобными картинами, разсчитанными на то, чтобы возбудить въ богачахъ сострадательность къ жалкой участи нищихъ, Златоустъ старался указывать богачамъ и всевозможныя побужденія къ благотворительности. Въ перечисленіи этихъ побужденій онъ былъ положительно неистощимъ, такъ что самъ сознавался, что можетъ указать ихъ „цѣлыя тысячи“.

Каждый богачъ, по мнѣнію Златоуста, долженъ благотворить другимъ уже потому, что это для него самаго можетъ быть очень полезно, такъ какъ онъ самъ нечаянно можетъ очутиться въ положеніи такой бѣдности, что будетъ нуждаться въ помощи другихъ, между тѣмъ какъ нищій случайно можетъ сдѣлаться богачемъ. „Богатство“,

говорить Златоустъ, есть бѣглый рабъ, который нынѣ служитъ одному, а завтра перебѣгаетъ къ другому“. При такой переменчивости счастья, богачъ, помогающій другимъ, приобретаетъ себѣ на случай бѣдности друзей, всегда готовыхъ по мѣрѣ силъ помочь ему, тогда какъ скупецъ въ трудную минуту можетъ остаться совершенно безпомощнымъ. Далѣе. Такъ какъ богачи стараются обыкновенно приобрести себѣ извѣстность между людьми, то имъ для этой цѣли не можетъ быть лучшаго средства, какъ благотворительность. Въмѣсто пустой и ложной славы, достигаемой чрезъ роскошь, которая скорѣе безславить богачей, благотворительность можетъ доставить имъ самую лучшую извѣстность и самую добрую славу. „Милостивыхъ людей“, говорилъ проповѣдникъ: „хвалятъ не только тѣ, которые облагодѣтельствованы ими, но и тѣ, которые ничего не получили отъ нихъ. О человѣкѣ милосердомъ всѣ говорятъ: „да вознаградить его Богъ! Какое-же ты получилъ отъ него благодѣяніе? Не я, но братъ мой, не я, но сочленъ мой; добро, сдѣланное ему, я отношу къ себѣ“.... О милосердомъ, если случится съ нимъ какое нибудь несчастье, всѣ молятся: „помилуй его, Боже, сохрани его, надѣли его добромъ!“ Мало того: любятъ и уважаютъ не только самихъ милосердыхъ людей, но и дѣтей ихъ. Представь-же, какая честь видѣть своихъ дѣтей любимыми множествомъ людей, и слышать, какъ всѣ говорятъ, когда богатство употреблено на пропитаніе бѣдныхъ: „это—сынъ человѣка любимаго, это—сынъ милостиваго“. Такимъ образомъ уже въ интересахъ самихъ богачей кроются довольно сильныя побужденія къ благотворительности.

Но интересы каждаго человѣка тѣсно связаны съ интересами цѣлаго общества и находятся въ прямой зависимости отъ нихъ; поэтому каждый человѣкъ долженъ заботиться не только о своемъ собственномъ благѣ, но и о благѣ другихъ членовъ общества, если хочетъ обезпечить прочность своего благополучія. Кто употребляетъ все, что имѣетъ, только на себя одного, тотъ, по мнѣнію Златоуста, такъ-же вредитъ себѣ и обществу, какъ

вредило-бы себѣ и всему человѣческому организму чрево, если бы оно одно пользовалось тою пищею, которую оно принимаетъ въ себя, нисколько не удѣляя ея другимъ частямъ тѣла. Съ другой стороны и само общество, по взгляду проповѣдника, должно заботиться одинаково обо всѣхъ своихъ членахъ, а не о нѣкоторыхъ только избранныхъ. Въ противномъ-же случаѣ, то есть когда одни изъ его членовъ будутъ благоденствовать, а другіе терпѣть всевозможныя лишенія, обществу будетъ грозить опасность разложенія, такъ какъ между членами его неизбежно явится вражда, уничтожающая самое главное условіе для прочности общества, именно единодушіе членовъ. Многіе города и даже цѣлые народы погибли, по мнѣнію Златоуста, именно вслѣдствіе того, что допущено было слишкомъ большое неравенство въ распредѣленіи богатства между различными общественными сословіями.

„Всѣ люди, говоритъ еще Златоустъ, по природѣ своей одинаковы и надѣлены отъ Творца одними и тѣми-же дарами счастья, всѣ живутъ на одной и той-же землѣ, для всѣхъ существуетъ одно небо и хоръ звѣздъ, всѣхъ безъ различія освѣщаетъ одно и то же солнце, всѣ имѣютъ одинаковую потребность въ пищѣ, одеждѣ и т. под. Поэтому, если люди думаютъ, что богатство, какъ средство для удовлетворенія нуждъ, составляетъ собственность только нѣкоторыхъ, то думаютъ такъ не иначе, какъ вопреки собственной своей природѣ, нуждающейся у всѣхъ въ одномъ и томъ-же, и вопреки природѣ внѣшней, предлагающей всѣмъ одни и тѣ-же блага“. „Даже и у безсловесныхъ животныхъ“, говорилъ Златоустъ: „все общее: и земля, и источники, и пастбища, и горы, и лѣса, и ни одно изъ нихъ не имѣетъ больше другого, а ты, человѣкъ, кротчайшее животное, дѣлаешься свирѣпѣе звѣря, заключая въ одномъ своемъ домѣ пропитаніе тысячи и даже многихъ тысячъ бѣдныхъ“.

Но главнѣе всего, Златоустъ проводитъ ту мысль, что никто изъ людей не имѣетъ права называть что либо своимъ, такъ какъ все принадлежитъ Богу. „Кто присвоитъ себѣ богатство и тратитъ его только на свои из-

лишества, тотъ, по мнѣнію Златоуста, есть воръ собственности у Бога и у всѣхъ тѣхъ, кому Онъ заповѣдалъ благотворить, подобно тому, какъ считается воромъ царскій казнохранитель, которому ввѣрено имущество для того, чтобы онъ сберегалъ его, расходовалъ на свои необходимыя нужды и раздавалъ, кому будетъ приказано, но который злоупотребилъ довѣріемъ государя и истратилъ все ввѣренное на свои прихоти“. И какъ этотъ казнохранитель за растрату „подвергается наказанію и гибели, такъ точно и богачъ, который есть не болѣе, какъ пріемщикъ денегъ, слѣдующихъ къ раздачѣ, если истратить на себя сколько нибудь сверхъ необходимой нужды, то подвергается жесточайшему наказанію и гибели; ибо его имущество не ему принадлежитъ, но сорабамъ его“. Такимъ образомъ подавая милостыню, богачъ, по мнѣнію Златоуста, возвращаетъ бѣднымъ лишь то, что принадлежитъ имъ по праву, данному самимъ Богомъ. Уважать это право, какъ заповѣдь Божію, есть прямая обязанность всѣхъ имущихъ христіанъ.

Къ нему присоединяется еще полное и безусловное право Христа, „Который, въ лицѣ нищихъ, Самъ приходитъ просить подаенія“, и этимъ сообщаетъ благотворительности характеръ самаго священнаго и непреложнаго долга для тѣхъ изъ своихъ послѣдователей, которые имѣютъ возможность благотворить. Кто отказываетъ Христу въ кускѣ хлѣба, когда Онъ доставляетъ людямъ всѣ блага, и въ стаканѣ воды, когда Онъ пролилъ за всѣхъ Свою кровь, вообще кто не подаетъ Христу изъ принадлежащаго Ему-же, тотъ, по мнѣнію Златоуста, оказываетъ по отношенію къ Нему не только жесточайшую неблагодарность, но и самую вопіющую несправедливость, требующую возмездія, равносильнаго оскорбленію самой личности Христа Спасителя, такого возмездія, для котораго мало и геенны. Напротивъ, кто въ лицѣ нищихъ подаетъ Христу, „скитающемуся въ наготѣ, переходящему отъ дверей къ дверямъ, стоящему на распутьяхъ и простирающему руки“, тотъ оказываетъ величайшую заслугу передъ Нимъ и покрываетъ своей милосты-

ней всё, даже самые тяжкіе, грѣхи. „Милостыня“, говорилъ Златоустъ: „имѣеть такую силу, что можетъ спасти милостивыхъ людей даже въ томъ случаѣ, еслибъ они умерли, не успѣвши покаяться въ своихъ грѣхахъ“. Такіе люди спасутся по ходатайству за нихъ благодѣтельствованныхъ ими лицъ и въ особенности по ходатайству Христа, „Который всё благодѣнія, сдѣланныя нищимъ, относитъ къ Самому Себѣ“ и хотя принимаетъ руками бѣдныхъ изъ своего-же собственнаго добра, тѣмъ не менѣе считаетъ Себя „одолженнымъ“ со стороны благотворителей и не можетъ поэтому допустить, чтобы они остались безъ вѣчной награды. О спасительной силѣ милостыни Златоустъ говорилъ несравненно чаще, чѣмъ о всѣхъ другихъ побужденіяхъ къ благотворительности, такъ какъ вѣроятно надѣялся, что мысль о прощеніи грѣховъ за милосердіе можетъ болѣе всего расположить къ подаванію грѣшныхъ гражданъ Антиохіи, не привыкшихъ и не хотѣвшихъ долгимъ и усиленнымъ трудомъ завоевывать себѣ вѣчное счастье. „Милостыня“, говорилъ проповѣдникъ, „есть царица добродѣтелей. Легки ея крылья, велика сила ея ходатайства; она достигаетъ до самаго царскаго престола и безпрепятственно возноситъ туда своихъ питомцевъ“, то есть людей благотворительныхъ.

Указывая богачамъ различныя побужденія къ благотворительности, Златоустъ въ тоже время постарался опровергнуть и различныя возраженія, какія выставлялись ими противъ подачи милостыни. Особенно сильнымъ возраженіемъ со стороны богачей была ссылка на то, что нищіе почти всё обманщики и заражены самыми низкими пороками и, слѣдовательно, недостойны милостиваго отношенія къ нимъ. Хотя богачи, повидимому, были и правы, однако Златоустъ съумѣлъ съ полной силой опровергнуть ихъ доводъ. Признавая, какъ несомнѣнный фактъ, то, что нищіе дѣйствительно сильно развращены, онъ подорвалъ упомянутое возраженіе тѣмъ, что показалъ настоящую причину развращенности нищихъ, обвинивъ самихъ богачей въ томъ, въ чемъ на первый разъ казались виноватыми одни нищіе. По мнѣнію Златоуста, богачи сами,

своимъ жестокосердіемъ и безчеловѣчностію, развращаютъ бѣдныхъ и вызываютъ развитіе между ними самыхъ ужасныхъ пороковъ и даже преступленій, каково, на примѣръ, ослѣпленіе дѣтей. Если бы богачи были милостивы и не отгоняли отъ себя нищихъ, то послѣднимъ не къ чему было-бы прибѣгать къ разнаго рода хитростямъ и обманамъ, а стоило бы только попросить, чтобы получить удовлетвореніе. Всѣ пороки нищихъ—слѣдствіе ихъ бѣдности, и отъ милосердія богачей зависитъ уничтожить ихъ. Осуждать-же бѣдныхъ и презирать за ихъ пороки богачи не имѣютъ никакого права, какъ потому, что сами ведутъ жизнь хуже нищихъ и своимъ худымъ примѣромъ развращаютъ ихъ, такъ и потому, что обладаніе богатствомъ налагаетъ на нихъ обязанность не судить бѣдныхъ, а оказывать имъ помощь, не обращая вниманія на ихъ достоинства. „Милостыня“, говорилъ Златоустъ, „есть дѣло милосердія, а не правосудія, и потому самому называется милостыней, что подается изъ милости, а не по заслугамъ или по достоинству. Все достоинство нищаго — его нужда. Кто придетъ къ намъ съ ней, ни о чемъ не будемъ разыскивать, потому что подаемъ не праву, а человѣку—сожалѣемъ о немъ не за добродѣтель, а по причинѣ несчастія“.—Другимъ, хотя менѣе сильнымъ, но также часто приводимымъ возраженіемъ противъ подачи милостыни была ссылка на то, что бѣднымъ должна благотворить церковь, въ распоряженіи которой находится имущество, назначенное именно для благотворительности“. Основательность и этой отговорки опровергнута Златоустомъ самымъ блестящимъ образомъ. Онъ не оспаривалъ того, что церковь не можетъ не заботиться объ участи бѣдныхъ, но разъяснилъ богачамъ, что отсылать нищихъ за помощію къ церкви или къ кому бы то ни было другому, когда просятъ помощи у нихъ самихъ, значить то же самое, что отказываться отъ молитвы, потому что церковь молится, или отъ поста, цтому что постятся другіе. „Дѣлай все самъ и получишь награду“. Затѣмъ Златоустъ выставлялъ на видъ богачамъ то, что главная забота церкви—вовсе не матеріальное благосостояніе паствы,

а ея духовное преуспѣяніе. Если-жъ церковь принимаетъ на себя заботу объ улучшеніи матеріальнаго положенія нищихъ и имѣеть для этой цѣли особое имущество, то потому только, что богачи сами не хотятъ, помимо церкви, обратить вниманія на бѣдныхъ. Вообще: церковь, по мнѣнію Златоуста, благотворить по необходимости, и благотворительность скорѣе отвлекаетъ ее отъ настоящаго своего дѣла, чѣмъ составляетъ прямую ея обязанность. Наконецъ, проповѣдникъ указывалъ богачамъ на то, что церковь не имѣеть въ своемъ распоряженіи столько средствъ, чтобы удовлетворить нуждамъ всѣхъ бѣдныхъ, между тѣмъ какъ богачи владѣютъ такими громадными средствами, что безъ особеннаго ущерба для себя могли бы избавить отъ нужды всѣхъ бѣдныхъ своего города.

Такимъ образомъ для защиты бѣдныхъ Златоустъ сдѣлалъ все, что только можно было сдѣлать человѣку, облеченному въ санъ пресвитера. Онъ описалъ въ самыхъ яркихъ чертахъ несчастную участь бѣдныхъ, выяснилъ, въ чемъ заключается ея причина, указалъ въ частной благотворительности средство для ея облегченія, представилъ богачамъ всевозможныя побужденія къ благотворительности и постарался опровергнуть всѣ ихъ возраженія противъ помощи бѣднымъ. Такое широкое и горячее заступничество за бѣдныхъ было въ тѣ грубыя времена новостью не только для Антиохіи, но и для всего греко-римскаго міра. „Со временъ Спурія Кассія“, говоритъ Амедей Тьери: „громившаго предъ римскими плебеями ростовщичество патриціевъ, со временъ Гракховъ, проповѣдовавшихъ аграрные законы, никогда подобныя рѣчи до появленія Златоуста... не поражали человѣческаго слуха“. Тоже самое говоритъ въ своей монографіи о Златоустѣ и Поль Альбертъ. И нужно признать, что оба эти писателя совершенно правы въ томъ отношеніи, что считаютъ за рѣдкость такое энергичное заступничество за бѣдныхъ, какимъ отличался Златоустъ. Но Тьери и Поль Альбертъ глубоко ошибаются въ томъ, что ставятъ Златоуста на ряду съ упомянутыми историческими личностями и видятъ въ немъ какого-то демагога. Спурій Кассій и

Гракхи были политическими дѣятелями и хотѣли основать имущественное равновѣсіе на политико-экономическихъ началахъ, между тѣмъ какъ Златоустъ былъ учитель нравственности и думалъ устроить лучшій порядокъ вещей на началахъ чисто нравственныхъ. — При томъ онъ хотѣлъ только сгладить двѣ противоположныя крайности въ отношеніи обладанія дарами счастья, а вовсе не домогался того, чтобы сдѣлать всѣхъ людей одинаково богатыми. Отъ совершеннаго уничтоженія бѣдности Златоустъ не только не ожидалъ улучшенія общественнаго быта, а напротивъ видѣлъ въ этомъ уничтоженіи даже подрывъ для общественной жизни и дѣятельности. „Уничтожь бѣдность, говорилъ онъ, „и ты уничтожишь весь порядокъ жизни: тогда не будетъ ни корабельщика, ни земледѣльца, ни плотника, ни ткача, ни сапожника, ни кузнеца, ни кожевника и никого изъ ремесленниковъ, а безъ нихъ у насъ все разстроится. Если бы всѣ были богаты, то всѣ стали бы жить въ праздности—и тогда все разстроилось бы и погибло“. Въстѣ съ тѣмъ Златоустъ признавалъ и нравственное значеніе имущественнаго неравенства. Неравномѣрное распредѣленіе богатства онъ считалъ однимъ изъ существенныхъ условій для поддержанія тѣсной связи между людьми. Богатые, по его мнѣнію, существуютъ для того, чтобы благотворить бѣднымъ, а бѣдные для того, чтобы обращаться къ нимъ за помощію. Первые чрезъ благотворительность приобрѣтаютъ себѣ въ бѣдныхъ друзей, людей, готовыхъ служить имъ, а послѣдніе видятъ въ благотворителяхъ опору своего существованія. Ни тѣ, ни другіе обойтись другъ безъ друга не могутъ, а потому и привязываются другъ къ другу. Таковъ взглядъ Златоуста на существованіе различій между людьми въ отношеніи обладанія богатствомъ. Оставаясь вѣрнымъ этому взгляду, Златоустъ могъ желать только улучшенія быта бѣдныхъ и быть „не народнымъ вождемъ“, какъ думаютъ Тъери и Поль Альбертъ, а ходатаемъ и защитникомъ народа предъ богачами города. И дѣйствительно, Златоустъ, какъ мы видѣли, всегда только возбуждалъ богачей къ благотворительности и никогда не принуждалъ ихъ къ ней.

Вмѣстѣ съ заботами объ улучшеніи быта бѣдняковъ, Златоустъ не могъ не обратить серьезнаго вниманія и на положеніе рабовъ, которыхъ антиохійскіе богачи нерѣдко имѣли тысячи по двѣ, и которые обречены были еще на болѣе жалкую участь, чѣмъ нищіе, особенно въ нравственномъ отношеніи. „Въ современномъ Златоусту обществѣ было распространено мнѣніе о рабахъ, какъ о чемъ-то среднемъ между людьми и животными; ихъ считали неспособными къ благородному и честному образу дѣйствій, имъ ни въ чемъ не довѣряли и полагали, что только грубая исправительная мѣра могутъ остановить ихъ отъ всевозможныхъ преступленій“. Понятно, что при такомъ взглядѣ на рабовъ, различныя притѣсненія и нравственныя оскорбленія въ отношеніяхъ господъ къ этимъ несчастнымъ людямъ были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Правда, такихъ безчеловѣчныхъ и возмутительныхъ проявленій въ этихъ отношеніяхъ, какія (проявленія) имѣли мѣсто въ древнемъ мірѣ, когда на рабовъ смотрѣли даже хуже, чѣмъ на животныхъ, при Златоустѣ быть не могло, такъ какъ со времени Константина Великаго христіанское правительство начало издавать благодѣтельные указы въ пользу рабовъ; тѣмъ не менѣе въ IV вѣкѣ участь послѣднихъ была еще очень тяжела. Вслѣдствіе долговременнаго существованія рабства, общество настолько привыкло къ этому явленію, что по большей части не хотѣло знать никакихъ императорскихъ указовъ и считало заступничество за рабовъ отнятіемъ у рабовладѣльцевъ ихъ естественныхъ и законныхъ правъ, освященныхъ самой древностью. Чтобы улучшить участь невольниковъ, недостаточно было однихъ внѣшнихъ мѣръ, каковы указы, а нужно было перевоспитать самыя убѣжденія общества и, главнымъ образомъ, тѣхъ членовъ его, въ ближайшей зависимости отъ которыхъ рабы находились и которые болѣе, чѣмъ всѣ другіе члены общества, были убѣждены и въ правильности своихъ взглядовъ на рабовъ, и въ естественности грубыхъ отношеній къ нимъ. Златоустъ и принялъ на себя эту задачу: измѣнить взглядъ общества на рабовъ, какъ на „презрѣнную, безправную и

безличную массу, по самому происхожденію своему неспособную ни къ чему благородному и хорошему“. Онъ прежде всего постарался внушить рабовладѣльцамъ, что достоинство, или благородство кого бы то ни было заключается не въ происхожденіи, а въ нравственныхъ качествахъ, въ которыхъ нельзя совершенно отказать и рабамъ и которые у послѣднихъ нерѣдко бывають даже лучше, чѣмъ у господъ. „Для благородства“, говорилъ проповѣдникъ: „требуется не знатность предковъ, а добродѣтельный нравъ. И раба назову благороднымъ, и господина рабомъ, какъ скоро узнаю ихъ нравы. И благородный человѣкъ для меня не благороденъ, если у него рабская душа, ибо кто и рабъ, какъ не работающій грѣху?... Сколько господъ лежать пьяные на постели, а слуги подлѣ нихъ трезвые Кого-же изъ двухъ назвать рабомъ? Раба-ли, служащаго человѣку, или плѣнника страстей“? Такимъ образомъ, уравнивая нравственное достоинство рабовъ и господъ и отдавая въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочтеніе первымъ, Златоустъ доводилъ рабовладѣльцевъ до признанія, что рабы такіе-же люди, какъ и они, и потому наравнѣ съ ними должны пользоваться всѣми общечеловѣческими правами. При этомъ проповѣдникъ напоминалъ, что общечеловѣческія права отняты у рабовъ не природою и не Богомъ, Который не создалъ рабства, а „ненасытнымъ корыстолюбіемъ нѣкоторыхъ невѣжественныхъ людей“, воспользовавшихся такими случайными обстоятельствами, каковы „кровопролитныя войны“, для того, чтобы обратить въ свою собственность побѣжденныхъ противниковъ, имѣвшихъ прежде такія-же права и такую-же свободу, какъ и сами побѣдители. Въ то же время Златоустъ постарался выяснитъ и причину развращенности рабовъ, говорившей повидимому противъ правоспособности ихъ „къ честному и благородному образу дѣйствій“ и служившей, какъ казалось рабовладѣльцамъ, достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы обращаться съ рабами самымъ грубымъ образомъ. Какъ въ нравственной испорченности нищихъ онъ обвинялъ богачей, такъ и развращенность рабовъ онъ ставилъ въ вину самимъ рабовла-

дѣльцамъ, которые, по его мнѣнію, своимъ дурнымъ примѣромъ и постоянными оскорбленіями сами довели нравственность рабовъ до крайне низкаго уровня. Чтобы удержать рабовъ отъ пороковъ и преступленій, Златоустъ предлагалъ рабовладѣльцамъ употреблять не грубыя исправительныя мѣры, которыя могли только забивать и ожесточать рабовъ, а тѣже самыя мѣры, какія употребляются для людей свободныхъ. Такъ, онъ совѣтовалъ господамъ позаботиться о нравственномъ воспитаніи рабовъ и о томъ, чтобы подавать имъ хорошій примѣръ своимъ поведеніемъ. Лучшимъ-же изъ всѣхъ средствъ для исправленія рабовъ Златоустъ считалъ дарованіе имъ свободы и часто убѣждалъ рабовладѣльцевъ отпустить на волю по крайней мѣрѣ тѣхъ рабовъ, которые служили только для одной роскоши и въ которыхъ не было рѣшительно никакой нужды,—убѣждалъ отпустить, впрочемъ, не на произволь судьбы, а такъ или иначе напередъ устроивъ ихъ судьбу, обучивъ ихъ, напр., какому нибудь ремеслу, чтобы они могли добывать себѣ и пропитаніе и все другое необходимое для жизни, а не умножали собой и безъ того многочисленный классъ бездѣльнаго, нищенствующаго люда. Замѣчательно, что Златоустъ, являясь горячимъ защитникомъ рабовъ, однако воздерживался отъ проповѣди о совершенномъ уничтоженіи рабства, потому, вѣроятно, что видѣлъ цѣлую массу предрасудковъ, дѣлавшихъ невозможнымъ осуществленіе полной свободы въ то время, когда самая проповѣдь объ ограниченіи рабства и особенно о нравственномъ воспитаніи рабовъ была дѣломъ совершенно новымъ и неслыханнымъ для общества.

Разсмотрѣнными нами вопросами исчерпываются почти всѣ главные пункты нравоучительныхъ бесѣдъ Златоуста къ антиохійскому народу, а потому думаемъ, что всего сказаннаго нами совершенно достаточно какъ для характеристики проповѣднической дѣятельности св. Іоанна Златоуста, такъ и для знакомства съ современнымъ ему состояніемъ общественной жизни, которая своими темными и порочными сторонами вызвала его на противодѣйствіе себѣ.

Протоіерей *М. Бажановъ.*

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**